

КАФЕДРА УТРАЧЕННЫХ ГОЛОСОВ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Кафедра утраченных голосов

«Автор»

2026

Северский А.

Кафедра утраченных голосов / А. Северский — «Автор», 2026

В Ладомире прошлое можно услышать, но нельзя допросить. Архивистка Вера Ланская обнаруживает кражу голосовых следов умерших — отголосков, которые сохраняют слова, однажды изменившие чужое решение. Вместе со следователем Мироном Берестовым она выясняет: подлинные фразы монтируют в новую «волю предков», а за каждое воспроизведение живые возвратчики расплачиваются собственными обещаниями. Пока река поднимается к городским стенам, влиятельная заведующая кафедрой предлагает Ладомиру спасение ценой опасной реформы. Вере и Мирону предстоит отделить полезное знание прошлого от чужого права командовать настоящим — и доказать преступление так, чтобы не превратить память в ещё одно орудие власти.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пустая кафедра	6
Глава 2. Следователь с ватой в ушах	11
Глава 3. Три якоря	17
Глава 4. Фраза, которой не было	25
Глава 5. Право на последнюю реплику	32
Глава 6. Чернильный шум	40
Глава 7. Обещание сестре	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Северский

Кафедра утраченных голосов

От автора

Мы привыкли считать запись доказательством того, что слова действительно прозвучали. Но запись не хранит всего: она не знает, почему человек говорил, чего боялся, кому доверял и что изменилось после его последней фразы. Эта книга выросла из вопроса о границе между памятью и властью. Что случится, если прошлое научатся воспроизводить достаточно убедительно, чтобы оно получило право решать за живых?

«Кафедра утраченных голосов» — детектив о проверяемости свидетельства и роман о цене, которую люди платят за желание услышать ещё раз тех, кого уже нельзя переспросить. В Ладомире голосовой след способен сохранить чужое решение, но каждое обращение к нему отнимает часть памяти у живого человека. Поэтому здесь важны не только разгадка и преступник, но и согласие, профессиональные границы, право остановиться.

Лучше всего читать эту историю, не принимая ни один голос — даже самый дорогой и убедительный — за окончательную истину. Следите за паузами, фоном, предметами и за тем, кто платит за очередное чудо. В этом расследовании молчание порой сообщает больше, чем безупречно восстановленная речь.

Глава 1. Пустая кафедра

Профессор умер в четверг, а в понедельник его кабинет уже пытался забыть хозяина.

На зелёном сукне проступили светлые прямоугольники там, где десятилетиями лежали книги. В стакане у окна засохла вода. Настенные часы шли на семь минут вперёд, словно профессор Лозин успел оставить им последнее поручение и не вернулся проверить исполнение.

Вера Ланская остановилась на пороге и не позволила сопровождавшему её деканскому секретарю войти следом.

— Черта видна?

Секретарь, худой аспирант с красными от недосыпа глазами, посмотрел вниз. Поперёк дверного проёма тянулась тонкая полоса серой соли.

— Теперь вижу.

— Значит, стойте снаружи. Назовите себя для протокола.

— Степан Мельник, секретарь естественно-речевого факультета. Я уже называл внизу.

— Внизу вы называли себя вахтёру. Здесь вы свидетель границы.

Он вздохнул, но повторил имя, должность и время. Вера внесла их в журнал твёрдым карандашом. Чернила рядом с отголосками не использовали: свежий росчерк иногда становился предметом-свидетелем раньше, чем высыхал.

Кабинет номер четыреста двенадцать принадлежал кафедре вызова, а Вера служила в архиве хранения. Именно поэтому печатывать помещение прислали её. После смерти сотрудника правила требовали человека, которому были безразличны его академические долги, ученики и незавершённые споры. Вера знала Лозина пятнадцать лет и не любила его примерно четырнадцать с половиной, но правила считали это приемлемым видом беспристрастности.

Она надела войлочные бахилы, проверила пустые карманы халата и шагнула через соль.

— Окно закрыто, — сказал Степан.

— Не подсказывайте.

— Я просто хотел помочь.

— Тогда запоминайте, что я делаю.

Вера начала слева от двери. Сначала воздуховод: заслонка опущена, сургучная капля цела. Потом книжные шкафы: четыре секции, нижняя правая заперта, на остальных замках следов инструмента нет. Письменный стол. Два ящика открыты, третий закрыт. Ключ лежит в блюде под пресс-папье, что нарушало сразу два распоряжения и полностью соответствовало характеру покойного.

На краю стола стояла пустая кафедральная рамка — деревянная дуга с тремя гнёздами для якорей. Без места, предмета и возвратчика она была всего лишь неудобной мебелью. Вера наклонилась, не касаясь её, и увидела на меди белёсый след пальца.

— Кто входил после обнаружения тела?

— Заведующая, врач, двое из городской палаты. Потом носильщики.

— Фамилии палаты?

— Не знаю.

Карандаш замер.

— Кто-нибудь слушал кабинет?

Степан ответил не сразу.

— Лозин умер дома. Здесь нечего было слушать.

— Это не ответ.

— При мне — нет.

Вера поставила в журнале короткую черту. Не галочку: галочки означали подтверждение. Черта означала, что вопрос задан, а ответа пока нет.

Она достала из футляра акустическую нить, закрепила один конец у дверной петли и пошла по периметру. Нить дрожала там, где поверхность недавно принимала речь, но в кабинете оставались сотни старых колебаний: лекционные репетиции, выговоры студентам, телефонные разговоры, привычное профессорское ворчание. Архивист не пытался услышать их. Его работа заключалась в том, чтобы не дать случайному шуму притвориться свидетельством.

У окна дрожь усилилась.

Под подоконником стоял узкий шкаф для фонографических цилиндров. Семь ячеек были пусты. В восьмой лежал футляр из чёрной жести, обвязанный выцветшей синей тесьмой. На крышке не было ни номера, ни кафедрального клейма, ни имени возвратчика.

— Это его? — спросила Вера.

— Я такого не видел.

— Вы часто бывали в кабинете?

— Каждый день.

— Тогда вы либо видели его, либо плохо исполняли обязанности.

— Профессор не отчитывался перед секретарём за каждую коробку.

— Мёртвые вообще плохо отчитываются. Поэтому мы и ведём опись.

Она поднесла к футляру полоску лакмусовой бумаги. Та осталась белой: свежего дыхания рядом не было. Затем поставила на пол латунный отвес. Речевая тень от футляра уходила к письменному столу, хотя всякий звук у окна должен был падать к северной стене. Несовпадение могло означать перенос, монтаж или всего лишь кривой пол. Любое из трёх требовало фиксации.

— Принесите понятых, — сказала Вера.

— Сейчас в корпусе почти никого.

— Двоих. Не с этой кафедры.

Степан ушёл неохотно. Его шаги стихли на лестнице, и кабинет сделался плотнее, будто закрыл рот.

Вера не собиралась трогать футляр. Она уже записала положение, измерила тень и приготовила номерную бирку. Оставалось дожидаться свидетелей, вложить находку в глухой контейнер и передать следователю городской палаты.

Часы на стене щёлкнули.

Из чёрной жести донёсся её голос:

— Рада, если я начну выбирать за нас обеих, останови меня.

Вера не шевельнулась.

Голос был тихим, немного хриплым после бессонной ночи и совершенно её. Он произнёс фразу с той особой поспешностью, которая появлялась у Веры только в разговоре с сестрой: будто признание можно было сделать менее опасным, если закончить его быстрее.

Но этих слов она никогда не говорила.

Она знала это не так, как знают собственный адрес или год рождения. Архивистка помнила свои обещания как другие помнят шрамы: обстоятельство, собеседника, точную тяжесть момента. Раде она обещала не вызывать голос матери без обоюдного согласия. Обещала не скрывать последствия процедур. Обещала прийти на открытие её редакции, но опоздала. Фразы из цилиндра среди них не было.

Вера посмотрела на пустую кафедральную рамку. Три гнезда оставались пустыми. Никто не произносил рамочной фразы. В кабинете не было живого возвратчика — если не считать её саму, но она молчала. Самопроизвольное воспроизведение считалось невозможным не по уставу, а по устройству мира.

Цилиндр снова заговорил:

— Не содержание. Согласие. Слышишь?

На этот раз последнее слово пришло не от окна. Оно шевельнулось у Веры за левым плечом.

Она резко обернулась. Пусто. На полке стоял гипсовый слепок гортани, на спинке кресла висела профессорская мантия. Речевая тень переместилась, хотя предмет оставался в футляре.

Вера прижала два пальца к горлу. Пульс был быстрым, голосовые связки — неподвижными. Она не стала отвечать. Новый вопрос отголоску всё равно не имел смысла: след повторял только речь, изменившую решение в прошлом. Он не был собеседником, кем бы ни казался.

На лестнице хлопнула дверь. Свидетели возвращались.

У Веры оставалось меньше минуты.

Правильным действием было отойти к порогу, никого не впускать и дожидаться следователя. Правильным последствием стали бы изъятие цилиндра, немедленное уведомление Аглаи Рубеж и запись в общем журнале. К вечеру о находке узнала бы половина университета. К ночи — Рада.

А если голос был смонтирован, тот, кто его создал, рассчитывал именно на это.

Вера сняла с пояса глухой контейнер. Потом остановилась. Контейнер имел собственный номер и автоматически попадал в реестр при закрытии. Скрыть находку в нём было невозможно.

Она могла оставить всё как есть.

За дверью послышался голос Степана:

— Вера Андреевна, я нашёл двоих из геологов.

Цилиндр в шкафу едва слышно провернулся.

Вера развязала синюю тесьму через ткань рукава, подняла жестяной футляр и сразу почувствовала его вес. Внутри был не один восковой валик, а два, разделённые прокладкой. Она не открыла крышку. На нижней полке шкафа лежал старый чехол для измерительной трубы — длинный, неприметный, с инвентарным номером кабинета. Вера переложила футляр туда, закрыла ремешок и поставила чехол на прежнее место.

Это было не уничтожение улики и не присвоение. Она назвала бы это отсрочкой изъятия до проверки журнала доступа.

Название оказалось удобным и потому сразу вызвало у неё отвращение.

— Входите по одному, — сказала она.

Степан привёл пожилую преподавательницу минералогии и лаборанта с ящиком образцов. Вера заставила обоих назвать себя, показать пустые руки и остановиться у соляной черты. Затем повторила осмотр уже вслух. Воздуховод. Шкафы. Стол. Пустая рамка. Подоконный шкаф.

— Семь пустых ячеек, — продиктовала минералогиня.

— Восемь, — поправил лаборант.

Вера посмотрела внимательнее. Ячеек действительно было восемь, и все теперь пустовали.

— Восемь, — сказала она и записала число.

Карандаш не дрогнул.

При проверке закрытого ящика стола обнаружились три опечатанных цилиндра с правильными номерами. Вера сверила их с кафедральной ведомостью. Ещё три номера значились выданными профессору Лозину за два дня до смерти, но возврата не было.

— Значит, искать будут их? — спросил Степан.

— Следователь будет искать всё, чего нет на месте.

— А если профессор унёс цилиндры домой?

— Тогда искать будут там.

Она сняла слепки с замков. На внутреннем крае третьего ящика нашлась свежая царапина, слишком узкая для штатного ключа. Вера отметила её номерной стрелкой. Это была

хорошая улика: обычная, материальная, не произносившая голосом архивистки невозможных обещаний.

Через сорок минут кабинет был закрыт. Вера протянула через ручки бумажную ленту, капнула сургуч и вдавила личную печать. Свидетели расписались в журнале. Степан поставил подпись последним.

— Теперь всё? — спросил он.

— Теперь никто не входит до прибытия палаты.

— Аглая Савельевна велела передать ей копию описи.

— Получит после регистрации.

— Она заведует кафедрой.

— А я заведу этой дверью до полудня.

Степан впервые улыбнулся, но тут же спрятал улыбку. Вера отдала ему квитанцию и пошла к лестнице, не оглядываясь на чехол в шкафу.

На первом этаже она попросила вахтёра журнал посещений. Тот подвинул тяжёлую книгу и накрыл ладонью верхнюю строку.

— Палата уже забрала копию.

— Мне нужна исходная запись.

— Без распоряжения заведующей нельзя.

Вера положила рядом свою печать.

— По протоколу смерти сотрудника хранитель проверяет границу от первого входа до последней пломбы. Журнал — часть границы.

Вахтёр убрал руку.

После врача и заведующей были записаны двое из городской палаты: Мирон Берестов и Данила Крой. Время входа стояло. Время выхода — только у Кроя. Напротив фамилии Берестова клетка оставалась пустой.

— Он до сих пор в корпусе? — спросила Вера.

— Не видел, чтобы уходил.

— Есть другой выход?

— Со двора, через старую типографскую лестницу. Но она закрыта десять лет.

На бумаге рядом с фамилией Берестова темнела крошечная точка. Вера коснулась её ногтем. Не чернила — графитовая пыль с примесью синего волокна, такого же, как тесьма на жестяном футляре.

Она переписала строки в служебный блокнот и вернула журнал.

До полудня оставалось двадцать три минуты. Вера могла подняться, вскрыть собственную пломбу в присутствии свидетелей и оформить находку как положено. Нарушение свелось бы к короткой, объяснимой отсрочке.

Вместо этого она направилась в архивный корпус.

Сначала следовало проверить, существовала ли запись с её голосом в каком-либо реестре. Потом — кто входил в кабинет и почему один следователь не отметил выход. Ровно до этой проверки цилиндр останется там, где лежал.

Вера повторила условие про себя, превращая решение в границу.

И только во дворе поняла, чего не может вспомнить.

Три года назад они с Радой стояли на набережной после похорон матери. Рада плакала и что-то требовала от неё — не просьбу, не обещание, а условие, без которого они не могли идти дальше. Вера помнила мокрый парапёт, красный шарф сестры, речной запах. Помнила собственное согласие.

Слов не было.

Не стёрлись постепенно. Их будто вынули из фразы, оставив на месте точную форму утраты.

Вера остановилась посреди университетского двора. За спиной часы главного корпуса пробили полдень — на семь минут раньше городских.

Она уже заплатила за воспроизведение.

Глава 2. Следователь с ватой в ушах

В архивном корпусе запрещалось бегать не из почтения к древним бумагам, а потому, что некоторые из них помнили падение лучше людей.

Вера пересекла вестибюль быстрым шагом, показала дежурной свою печать и поднялась в зал расходных реестров. За окнами между университетскими башнями лежала широкая река. На воде толкались льдины, а на дальнем берегу грузовые краны казались знаками неизвестного алфавита.

К полудню зал пустел. Два регистратора ушли обедать, оставив на конторках прижатые камнями карточки. За центральным столом сидела помощница хранителя Фаина Круглова и точила красный карандаш над жестяной коробочкой.

— Мне нужны выдачи кафедры вызова за последние две недели.

Фаина не подняла головы.

— Срочные или очень срочные?

— Уже пропавшие.

Карандаш перестал скрести.

Фаина была из тех людей, чья медлительность исчезала при настоящей беде. Она заперла точилку, сняла с пояса связку плоских ключей и повела Веру к северной стене. Там стояли шкафы с двойными дверцами: деревянной от пыли и медной от чужого дыхания.

— Лозин? — спросила она.

— Почему Лозин?

— Потому что утром его кафедра прислала исправление к ведомости. Потом прибежал секретарь и попросил исправление не принимать. Потом пришёл человек из палаты и велел никому ничего не исправлять. Когда три учреждения хотят по-разному распорядиться одной строкой, обычно умер кто-то важный.

— Человек из палаты назвался?

— Показал жетон. Берестов.

Вера вспомнила пустую клетку в журнале посещений и синее волокно у его фамилии.

— Он был один?

— Здесь — да. И предусмотрительный: заложил уши ватой, прежде чем мы открыли шкаф.

Фаина отперла деревянную створку. Перед медной попросила Веру назвать дату, должность и основание доступа. Их голоса ушли в узкие рожки контрольного замка. Механизм сравнил две формулировки, щёлкнул и выпустил наружу запах воска, картона и старого дождя.

Выдачи хранились не списком, а тремя параллельными следами. Белая карточка сообщала, что взяли. Серая — кто разрешил. Чёрная полоса копировальной бумаги принимала нажим руки получателя. Подменить одну запись было нетрудно. Согласовать все три, не оставив разницы в вдавленных буквах, — гораздо сложнее.

Вера нашла неделю смерти Лозина.

— Номера сто восемнадцать, сто девятнадцать, сто двадцать, — прочла Фаина через плечо. — Три штатных цилиндра. Предметы-свидетели: бронзовая ручка актового зала, молоко учёного совета, первая печать ректората. Возвратчик не назначен. Цель: подготовительное исследование перед памятным заседанием.

— Срок возврата?

— Пятница, шестнадцать ноль-ноль.

Лозин умер в четверг вечером. В пятницу утром его тело нашла домработница. Цилиндры должны были перейти в аварийное хранение, но в кабинете их не было.

Вера положила рядом свою копию утренней описи. Номера совпадали. Подпись Лозина на белой карточке была резкой, с продавленным нижним росчерком. На серой стояла виза Аглаи Рубеж. Чёрная полоса выглядела пустой.

— Получатель не расписался, — сказала Вера.

— Расписался. Просто не там.

Фаина поднесла полосу к окну. На обороте проступали три короткие борозды. Кто-то вложил копирку рабочей стороной вниз: нажим сохранился, графит — нет.

— Ошибка?

— Трижды на одной выдаче? — Фаина вернула полосу на стол. — Я отметила дефект.

Вчера отметки ещё не было.

На полях действительно стояла красная буква «П» и сегодняшнее число.

— Кто мог перевернуть копирку после выдачи?

— Тот, кто вскрыл пакет реестра. Поэтому Берестов и запретил исправления.

— Пакет вскрывали?

— Пломба цела.

Вера посмотрела на медную дверцу. Целая пломба отвечала только на вопрос, похожа ли она на себя. Не на вопрос, оставалась ли дверь закрытой.

Из дальнего ряда донёсся мужской голос:

— Наконец-то мы согласны хотя бы в этом.

Мирон Берестов вышел из-за шкафа с папкой под мышкой. Был он выше, чем Вера ожидала по размашистой записи в журнале, и одет слишком просто для следователя палаты: тёмное пальто, серый жилет без форменного шнура, стоптанные ботинки. Из ушей торчали два неровных комочка белой ваты.

— Вы подслушиваете в архиве? — спросила Вера.

— С ватой это требует таланта.

— Тогда зачем она вам?

— Чтобы не принять звук за доказательство раньше времени.

Он положил папку на свободный край стола и показал раскрытый жетон. Вера прочла имя, номер и срок полномочий. Жетон был настоящий; фотография — заметно моложе владельца.

— В журнале корпуса у вас нет времени выхода, — сказала она.

— Потому что я не выходил через вахту.

— Старая типографская лестница закрыта десять лет.

— Девять лет и восемь месяцев. Дверь во двор открывается изнутри. Внешний замок покрыт ржавчиной, внутренний недавно смазывали.

— Почему вы ушли там?

— Проверял пути выноса. И не ушёл: обошёл корпус, вернулся через главный вход и поднялся сюда. Второй вход в журнале есть.

Вера видела только страницу до полудня. Если Мирон вернулся позже, его объяснение проверялось одной строкой и потому заслуживало не доверия, а проверки.

— У вашей записи была графитовая пыль с синим волокном.

— Я снимал слепок с внутреннего засова. Синий состав, графитовый наполнитель. Коробку могу предъявить.

Его ответы раздражали полнотой. Мирон не оправдывался и не старался понравиться; он просто заранее проделал ту часть работы, которой Вера собиралась его уличить.

Фаина откашлялась.

— Мне остаться свидетелем разговора?

— Да, — одновременно сказали Вера и Мирон.

Он вынул из папки три листа.

— Сто восемнадцать, сто девятнадцать, сто двадцать. Последний подтверждённый осмотр — за день до выдачи. После смерти Лозина цилиндров нет ни в кабинете, ни в домашнем сейфе, ни в перевозочном журнале. Я фиксирую кражу трёх единиц городского речевого фонда.

— Пока фиксируете отсутствие.

— Отсутствие с нарушенной записью получения, свежей царапиной на ящике и смазанным внутренним засовом. Слово «кража» позволяет мне закрыть выходы и изъять журналы до того, как отсутствие станет чьей-нибудь ошибкой.

— Удобное слово.

— Полезное. Удобные слова я оставляю ректорату.

Фаина отвернулась к шкафу, скрывая улыбку.

Мирон разложил бумаги в порядке номеров. Каждый лист содержал изображение пустого места: гнездо ящика, домашнюю полку, ячейку перевозочного стеллажа. Он документировал не предметы, а границы, где те обязаны были находиться.

— Кабинет печатавали вы, — сказал он. — Перечислите вошедших после вашего прибытия.

Вера перечислила Степана, минералогиню, лаборанта. Назвала время, положение соляной черты и состояние печати после закрытия.

— До вас?

— Заведующая, врач, вы и следователь Крой. По журналу.

— Крой вошёл со мной и ушёл главным ходом. Я остался проверить лестницу.

— Вы открывали подоконный шкаф?

— Нет.

— Видели чехол измерительной трубы на нижней полке?

— Видел длинный пыльный чехол. Не трогал. Почему спрашиваете?

Вера почувствовала, как её собственный вопрос захлопнулся вокруг неё. Ответить «для полноты осмотра» означало соврать человеку, который строил дело именно из полноты. Сказать правду — отдать ему футляр до проверки голоса.

— Потому что при моём осмотре расположение вещей не соответствовало старой фотографии кабинета.

Это было почти правдой. Фотография существовала в инвентарном деле, хотя Вера ещё не успела её увидеть.

Мирон поправил левый клочок ваты.

— Покажете снимок.

— После выдачи дела.

— Разумеется.

Никакого торжества в его голосе не было, и от этого Вера поняла: он услышал уклонение.

Из коридора прибежал архивный посыльный. Он остановился у открытого медного шкафа, назвал себя и протянул Мирону запечатанный конверт.

— Из четырёхста двенадцатого. Печать Ланской разошлась.

Вера уже брала пальто со спинки стула.

— Кто обнаружил?

— Секретарь Мельник. Привёл заведующую, но внутрь не вошли. Дежурный поставил внешнюю черту.

Мирон не двинулся.

— Печать разошлась или лента порвана?

Посыльный посмотрел на бумажку.

— Лента цела. Сургуч разделён поперёк оттиска.

— Значит, дверь открывали медленно, — сказала Вера. — При рывке рвётся бумага.

— Или нагрели сургуч, — ответил Мирон.

Он вынул вату, завернул каждый комочек в отдельный лист и подписал время. Потом заложил уши свежими.

— Вы меняете её перед осмотром? — спросила Фаина.

— После каждого места. Иначе одна комната говорит в другой.

Они вернулись в главный корпус через галерею. Мирон шёл на полшага позади и задавал вопросы коротко, по одному: где Вера держала печать, кто видел номер ленты, оставался ли у неё запас сургуча. Она отвечала, не сбавляя шага.

У кабинета четыреста двенадцать ждали Степан, Аглая Рубеж и двое университетских стражей. Аглая стояла ближе всех к двери. Высокий ворот её чёрного платья был застёгнут серебряной булавкой в форме камертона.

— Наконец, — сказала она. — Внутри может быть запись Лозина. Я требую немедленного вызова.

Мирон показал жетон.

— На каком основании?

— На основании моей ответственности за кафедру.

— Это основание присутствовать при описи. Для вызова нужны цепочка хранения, предмет-свидетель и назначенный возвратчик.

— Предметы в кабинете. Возвратчика назначу я.

— Цепочки нет.

Аглая перевела взгляд на вату в его ушах.

— Следователь, который боится услышать улику, удобен только в делах о тишине.

— Я не боюсь её услышать. Я не позволю ей попасть в дело раньше, чем узнаю, кто и зачем поставил её рядом со мной.

— Голос профессора может назвать похитителя.

— Или человек, смонтировавший голос профессора, может назвать того, кого хочет сделать похитителем.

На площадке стало тихо. Даже стражи перестали переступать с ноги на ногу.

Вера посмотрела на Мирона внимательнее. Он говорил не как чиновник, защищающий процедуру, а как человек, однажды опоздавший с этой защитой.

— Осматриваем границу, — сказал он. — Ланская, ваша печать.

Вера приблизилась к двери. Бумажная лента действительно не порвалась. Сургучный круг раскололся точно по вертикали, и две половины разошлись меньше чем на толщину ногтя. На нижней кромке блестела прозрачная капля.

— Рыбий клей, — сказала она. — Им сняли оттиск с бумаги и вернули на место.

— Когда?

— Клей ещё мягкий. Не больше получаса.

Степан побледнел.

— Я отходил только за Аглаей Савельевной.

— Кто знал, что кабинет без караула? — спросил Мирон.

— Все, кто видел, как вы увели стражей проверять выходы, — ответила Аглая.

Мирон принял у одного из стражей щипцы, снял ленту целиком и убрал в плоский контейнер. Новую дверь открывала Вера: нарушение было совершено против её границы, и замок мог сохранить её ошибку.

Внутри всё выглядело как утром. Стол, пустая рамка, мантия, гипсовая гортань. Подоконный шкаф был закрыт.

Вера увидела главное прежде, чем Мирон успел переступить порог. Чехол измерительной трубы стоял не на нижней полке, а прислонился к стенке справа. Ремешок был застёгнут другой пряжкой наружу.

Кто-то нашёл футляр.

— Никто не входит, — сказала она.

Мирон остановился. Аглая за его спиной резко вдохнула.

— Почему? — спросил он.

Вера могла указать на клей, потребовать новый состав понятых, выиграть ещё четверть часа. Но каждое новое правило теперь защищало не кабинет, а её умолчание. Тот, кто вскрыл дверь, уже знал, что искать. Возможно, знал и то, кто спрятал.

— Потому что утренняя опись больше не подтверждает целостность помещения.

— Что изменилось?

— Положение инвентарного чехла.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему его положение не отмечено в описи?

Вера услышала за вопросом не обвинение, а последнюю возможность назвать факт самой.

— Потому что я открывала чехол до опечатывания.

Степан у лестницы тихо сказал:

— Вы же велели нам стоять у черты.

— Именно тогда.

Мирон не вынул вату. Не шагнул к чехлу. Только раскрыл чистую страницу протокола.

— Что было внутри?

— Немаркированный жестяной футляр. Два цилиндра. Синяя тесьма.

— Вы их слушали?

— Нет. Один воспроизвёлся сам.

Аглая протянула руку к дверному косяку.

— Что сказал Лозин?

— Это был не его голос.

— Чей?

Вера посмотрела на чёрную полость шкафа. Признать всё означало отдать личный след палате и кафедре. Не признать — позволить неизвестному вскрытию определить, какая версия попадёт в протокол первой.

— Мой.

Мирон впервые за весь разговор замер. Затем написал её ответ, посыпал строку песком и закрыл лист ладонью, чтобы Аглая не прочла через плечо.

— Фразу повторять не надо, — сказал он.

— Она может иметь значение, — возразила Аглая.

— Значение получит после проверки носителя. До тех пор это воздействие на свидетеля.

— Свидетель уже слышала.

— Поэтому второй свидетель не обязан становиться вторым пострадавшим.

Он приказал стражу принести глухой ящик и зеркальный захват. Сам остался за чертой. Следователь с ватой в ушах не спешил к голосу, который мог назвать виновного. Он смотрел на клей, положение пряжки и лицо человека, нарушившего протокол.

— Вы изымаете меня из дела? — спросила Вера.

— Нет. Сначала установлю, что изъяли из кабинета.

— А потом?

— Потом вы покажете инвентарную фотографию, на которую сослались в архиве. Если её нет, исправите показания сами.

Вера кивнула. На прощение это не походило. На союз — тоже.

Из шкафа донёсся короткий скрежет, будто внутри чехла провернулся цилиндр.

Аглая шагнула вперёд. Мирон выставил руку, не пересекая соляную черту.

Никакого голоса не прозвучало.

Когда принесли глухой ящик и Вера зеркальным захватом раскрыла чехол, в нём лежала только синяя тесьма. Жестяной футляр исчез.

На внутренней стороне ткани кто-то начертил графитом три номера:

118. 119. 120.

Глава 3. Три якоря

Комната контролируемых вызовов находилась под актовым залом, ровно там, где чужой голос хуже всего притворялся случайным эхом.

Вера спустилась первой. Узкая лестница вывела её к круглой двери с тремя замками. На каждом висела отдельная пломба: белая — архива, красная — кафедры вызова, чёрная — университетского нотариуса. Мирон проверил номера по протоколу, не касаясь сургуча.

— Три ключа, три свидетеля, три ведомства, — сказал он. — А футляр вынесли из опечатанного кабинета за полчаса.

— Поэтому замки считают не дверью, а задержкой.

— Наконец-то архив говорит человеческим языком.

— Архив всегда говорит человеческим языком. Люди редко дочитывают примечания.

Мирон вынул из правого уха вату, осмотрел её на свет и убрал в подписанный конверт. Левое ухо оставил закрытым.

— Так вы собираетесь участвовать в опыте? — спросила Вера.

— Так я собираюсь услышать вас и не услышать то, что мы вызовем.

За дверью ждали Аглая Рубеж, нотариус Ефим Корд и девушка в серой студенческой мантии. Девушка сидела на краю стола и завязывала на запястье красную нить. Узел не слушался: она затягивала его зубами, распускала и начинала снова.

— Сона Гривич, — представила её Аглая. — Старшая ученица кафедры вызова, допуск второй ступени. Сегодня возвратчик.

— Сегодня никто не возвратчик, — сказал Мирон. — Сначала осмотр.

Сона спрыгнула со стола. На вид ей было чуть больше двадцати. Короткие тёмные волосы лежали неровно, будто она стригла их сама перед зеркалом, а глаза оставались внимательными даже тогда, когда рот улыбался.

— Следователь Берестов? Про вас говорят, что вы допрашиваете двери.

— Двери реже меняют показания.

— Зато чаще хлопают.

Вера ожидала от Мирона сухого замечания, но он только указал на нить:

— Что это?

— Обещание не задерживаться после занятий. Я утром сказала соседке, что вернусь к ужину. Она завязала мне напоминание.

— Вы часто забываете обещания?

Улыбка исчезла.

— Нет.

Аглая положила ладонь Соне на плечо — не утешая, а возвращая на место.

— Нить — обычай студентов. К методу отношения не имеет.

— С этой минуты имеет, — сказал Мирон и записал цвет, положение узла и слова Соны.

— Кто слышал обещание утром?

— Лика Вешняя, моя соседка. В общежитии. Около восьми.

— Проверим до вызова.

— Мы теряем время, — сказала Аглая. — Три штатных носителя исчезли, в кабинете Лозина оставлены их номера, а вы исследуете студенческий ужин.

— Если цена вызова — память о собственных словах, ужин может оказаться единственным доказательством вреда, которое не успеет объяснить ваша кафедра.

Сона дёрнула плечом, освобождаясь от ладони заведующей.

— Я знаю цену.

— Знать правило и согласиться на конкретную потерю — разные вещи, — сказала Вера.

Девушка повернулась к ней:

— Вы сами возвращали?

Вера вспомнила голос из жестяного футляра и пустое место там, где должны были сохраниться точные слова разговора с Радой.

— Один раз. Без намерения и без согласия.

— Значит, вы не можете сказать, каково это намеренно.

— Могу сказать, каково обнаружить пропажу после.

Ефим Корд кашлянул в кулак. Нотариус был маленьким, аккуратным человеком с чернильным пятном на среднем пальце. Перед ним лежала папка согласия, уже раскрытая на странице с подписью Соны.

— Формально добровольность подтверждена вчера в присутствии двух лиц, — произнёс он. — Предмет опыта безопасен. Учебный след, многократно воспроизведённый, без личного содержания.

— Что именно возвращаем? — спросила Вера.

Аглая указала на дальнюю стену. В нише под стеклом висела бронзовая дверная ручка, потемневшая от ладоней. Под ней белела табличка: «Актный зал, западный вход. Снята при перестройке».

Вера посмотрела на Мирона. Он уже достал список пропавших цилиндров.

— Предмет-свидетель к номеру сто восемнадцать, — сказал он.

— Сам номер сто восемнадцать был снят с этого следа, — поправила Аглая. — Ручка остаётся в университете. Цилиндр — лишь штатная копия речевой борозды.

— Тогда почему вы выбрали её для опыта сразу после пропажи копии?

— Потому что нам нужно установить, изменён ли источник.

— Или потому что вызов перезапишет состояние источника и сравнивать станет не с чем?

Ефим поднял ладонь.

— Ручка опечатана после последнего вызова. Любое изменение фиксируется на контрольной пластине.

— Покажите пластину, — сказала Вера.

Она лежала в боковом ящике, между двумя листами промасленной бумаги. На мягком воске сохранились семь параллельных дуг — фоновые колебания последнего опыта. Восьмая линия обрывалась у края, хотя по журналу опытов было семь.

Вера поднесла пластину к лампе.

— Кто открывал ящик сегодня?

— Я, — ответил Ефим. — Проверял комплектность.

— До вас?

— Вчера Соны и лаборант Самойлов готовили комнату.

— Мы ничего не запускали, — быстро сказала Соны.

— Я не спрашивала, запускали ли вы.

Вера положила пластину на чёрную бумагу. В конце восьмой дуги виднелась россыпь точек. Не воск выкрошился — его продавили мелкими равномерными ударами.

Мирон наклонился, оставив заложенное ухо со стороны ниши.

— Похоже на зубцы.

— На молоток учёного совета, — сказала Вера. — Предмет-свидетель номера сто девятнадцать.

Аглая не изменилась в лице, только серебряный камертон на воротнике качнулся от слишком глубокого вдоха.

— Молоток хранится в зале совета.

— А его цилиндр пропал вместе со сто восемнадцатым, — сказал Мирон. — Кто-то проверял совместимость следов?

- Совместить два штатных следа в одной точке нельзя. Они требуют разных мест.
- Нельзя по правилам или не получится по природе?

Аглая промолчала.

Вера знала ответ. Правило места было старше университетских уставов, но место определялось не стенами. Его создавал поступок, после которого сказанные слова меняли решение. Актный зал и зал совета соединялись церемониями, людьми и предметами. Если одну и ту же речь произносили сначала перед учёным советом, затем перед всем университетом, две комнаты могли удерживать соседние кромки одного следа.

- Получится, — сказала она. — С искажением.
- Вера, — предупредила Аглая.
- Искажение уже есть на контрольной пластине.

Мирон выпрямился.

- Опыт отменяется.
- Нет, — сказала Сона.

Все посмотрели на неё.

Она наконец затянула узел на красной нити. Слишком туго: кожа вокруг побелела.

— Если кто-то соединил следы, мы должны это доказать, пока источник не остыл. Через сутки восьмая дуга сравняется с остальными.

— Вы повторяете слова руководителя или это ваше решение? — спросил Мирон.

- Моё.
- Тогда назовите риск своими словами.

Сона ответила не сразу:

— Я могу забыть одну фразу, которую сама кому-то сказала. Не знание и не человека. Только свои слова и то, что обязалась ими сделать.

- Последствия?
- Могу нарушить обещание, не понимая, что нарушаю. Поэтому возвратчики ведут тетради.

Она достала из кармана книжицу в клеёночной обложке. На первой странице стояла сегодняшняя дата и три строки: «Вернуть Лике конспект. Не задерживаться после занятий. Не подходить к западной набережной одной».

Последнюю запись Сона прикрыла большим пальцем, но Вера успела прочесть.

- Почему нельзя к набережной?
- Весенняя вода подмыла парапет.
- Кто просил?
- Мама.
- Ваша мать погибла два года назад, — тихо сказала Аглая.

Сона захлопнула тетрадь.

— Поэтому я и записала.

Мирон протянул руку.

— Тетрадь останется у нотариуса до конца опыта. Красную нить опечатаем на запястье, чтобы её нельзя было перевязать. Я отправлю человека в общежитие и получу независимое подтверждение утренних слов. До его возвращения никакого вызова.

- След может остыть, — сказала Аглая.
- Тогда у нас останется попытка вмешательства в источник. Если начнём сейчас, у нас может остаться пострадавшая и спор о том, предупредили ли её достаточно ясно.

Сона сама отдала ему тетрадь.

— Отправляйте.

Посыльный вернулся через двадцать семь минут с запиской Лики Вешней. Ефим сверил подпись с общежитским реестром. В записке было сказано: утром Сона обещала вернуть кон-

спект до шести, не задерживаться после занятий и прийти к общему ужину. Лица завязала ей красную нить после второго обещания.

Мирон приложил записку к протоколу.

— От вызова всё ещё можно отказаться.

— Начинайте, — сказала Сона.

Комнату готовили молча.

Ефим открыл чёрную пломбу, Аглая — красную, Вера — белую. Ручку извлекли из ниши зеркальным захватом и закрепили на дубовой стойке в центре круга. Место обозначили не солью, а тремя полосами речного песка: светлого с верхнего берега, серого с острова и почти чёрного с портовой отмели. Вера проверила, чтобы полосы нигде не соприкасались. Смешанный песок мог дать ложное направление тени.

Сона встала у западной стены — там, где прежде была дверь актового зала. Её правая ладонь легла на ручку. Левую она держала раскрытой, показывая, что не прячет второго предмета.

Аглая подошла с рамочной карточкой.

— Я произнесу сама, — сказала Сона.

— Ты впервые работаешь с подозрением на вмешательство.

— Поэтому мои слова должны быть моими.

Аглая отдала карточку.

Мирон остался за стеклянной перегородкой. Одно ухо было заложено ватой, второе он закрыл кожаной заслонкой, соединённой с сигнальным шнуром. Если Вера дважды потянет шнур, заслонка откроется: следователь услышит только её итоговую команду, но не сам вызов.

Вера заняла место у контрольной пластины. Её задачей было не слушать содержание, а отмечать направление, длительность и паузы. Она повторила это про себя, хотя знала: человеческий слух всегда предаёт прибор первым.

Сона прочла:

— Место помнит поступок. Предмет помнит прикосновение. Я возвращаю сказанное к границе, где оно изменило решение.

Бронза под её ладонью потеплела. На светлом песке появилась тонкая борозда, дошла до серой полосы и остановилась. В правильном вызове линия должна была пройти круг насквозь.

Сона вдохнула и добавила имя следа:

— Заседание о закрытии западного корпуса. Речь ректора Бронина.

Из-за дубовой стойки донёсся кашель.

Не голос — только подготовка голоса. Потом мужское дыхание, шелест большой комнаты и далёкий скрип стула.

— ...не вправе отдавать паводку то, что строили три поколения...

Речь шла ровно, чуть глухо. Звук исходил от ручки, как и должен был. Вера отметила первую паузу, вторую, третью.

После третьей в глубине комнаты трижды ударило дерево о дерево.

Тук.

Тук.

Тук.

Контрольная игла перескочила на соседнюю дугу. Голос ректора продолжил, но теперь шёл не от стойки. Он звучал сверху, из пустоты над Соной.

— ...поэтому решение кафедр должно иметь силу до тех пор, пока живые не докажут право его отменить.

Сона вздрогнула. Её пальцы сомкнулись на ручке.

— Этой фразы нет в учебном следе, — сказала Аглая.

— Не отвечайте ему, — приказала Вера.

Мужской голос сделал паузу, слишком чистую для старой записи.

— Кто возвращает сказанное, принимает обязанность сохранить его.

Сона открыла рот.

Вера ударила ладонью по дубовой стойке. Ручка сорвалась с крепления, но девушка не отпустила её. Красная нить натянулась на запястье, будто её тянули в другую сторону.

— Сона, смотрите на меня. Не на предмет.

— Он спросил...

— След не спрашивает. Он повторяет.

Сверху снова пришёл голос:

— Принимаешь ли ты обязанность?

Это был вопрос. Настоящий, обращённый в комнату вопрос.

Но отголоски не могли отвечать на новое присутствие. Они не знали, кто стоит перед ними сейчас.

Вера перерезала красную нить архивным ножом.

Сона вскрикнула и разжала пальцы. Ручка упала в чёрный песок. В тот же миг звук сменил направление: последнее слово — «обязанность» — донеслось из-за двери, потом из-под пола, потом совсем близко, из горла самой Соны.

Вера дважды дёрнула сигнальный шнур.

Кожаная заслонка Мирона открылась.

— Вызов прекращён, — сказала Вера. — Живой возвратчик отделён. Предмет лежит вне границы места. Никому не повторять услышанное.

Мирон вошёл, не снимая ваты из второго уха. Он не спросил, что сказал голос.

— Сколько источников направления?

— Четыре. Предмет, потолок, дверь, возвратчик.

— Паузы?

— После третьей добавилась чистая вставка. Перед ней — три удара предмета сто девятнадцать.

— Номер сто двадцать?

Вера посмотрела на ручку в песке. Рядом лежал обрезок красной нити. На бронзе проступил круглый рельеф: знак первой печати ректората.

До вызова его не было.

— Теперь все три, — сказала она.

Ефим побледнел и поднёс испачканный палец к губам.

— Печать не могла оставить отпечаток на металле. Она восковая.

— След оставила не печать, — ответила Вера. — Его оставила связка цилиндров. Кто-то наложил сто восемнадцать, сто девятнадцать и сто двадцать на источник и заставил один предмет проводить три контекста.

Аглая смотрела не на отпечаток, а на Сону.

Девушка стояла у стены, прижав ладонь к запястью. Крови не было; нож рассёк только нить. На её лице появилось выражение человека, который вошёл в знакомую комнату и не узнал, зачем пришёл.

— Всё закончилось? — спросила она.

— Да, — сказала Вера. — Не говорите пока ничего лишнего.

Мирон взял у Ефима опечатанную тетрадь и положил перед Соной.

— Назовите три обещания, которые дали сегодня утром Лике Вешней.

Сона нахмурилась.

— Я не давала ей обещаний.

— Красную нить кто завязал?

Она посмотрела на обрезанные концы, один на запястье, второй в песке.

— Не знаю. Наверное, сама.

— Вы собирались вернуться к ужину?

— Я всегда ем позже. После занятий хотела пойти на западную набережную.

Аглая шагнула к ней.

— Сона, не надо угадывать.

— Я не угадываю. Мама ждёт меня там.

Никто не поправил её сразу.

Мирон раскрыл тетрадь, но не повернул к девушке. Сначала попросил Ефима прочесть вслух запись Лики и удостоверить время. Затем показал Соне её собственный почерк.

Она долго смотрела на строки.

— Это я написала.

— Вы помните, как писали?

— Нет.

— Помните Лику утром?

— Она искала сапог. Мы смеялись. Потом... — Сона провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги. — Потом ничего. Почему здесь про набережную?

— Потому что вы записали просьбу, которую считали важной, — сказала Вера.

— Мама просила не ходить туда до паводка. Я знаю. Но сегодня она ждёт.

— Откуда вы знаете?

Сона подняла глаза к потолку, откуда недавно звучал чужой голос.

— Она сказала.

В комнате стало так тихо, что на контрольной пластине дрогнула игла.

— Во время этого вызова? — спросил Мирон.

— Нет. Раньше. Наверное.

Вера поняла, что потеря оказалась шире одной фразы. У Соны исчезло собственное обещание, и в освободившееся место уже легло чужое побуждение. Не приказ и не память матери — направление, которому девушка пыталась подобрать объяснение.

Мирон закрыл тетрадь.

— Опыт завершён. Сона Гривич остаётся здесь с врачом и выбранным ею представителем. Никаких новых вызовов, вопросов о содержании и попыток восстановить слова внушением.

— Вы не можете закрыть учебную комнату решением палаты, — сказала Аглая.

— Могу опечатать орудие причинения вреда.

— Это был добровольный учебный опыт. Риск указан в согласии.

— В согласии указана утрата одной собственной речевой памяти. Там не указано ложное побуждение, созданное наложением трёх похищенных следов.

— Вы ещё не доказали причинность.

Мирон повернулся к Вере.

— До вызова рельеф на ручке был?

— Нет. Есть утренняя пластина и трое свидетелей осмотра.

— Удары молотка были в исходном следе?

— Нет. Семь прежних дуг их не содержат.

— Направление менялось?

— Четырежды. Это признак монтажа.

— Сона помнила обещание до вызова?

— Назвала его при нас и независимо записала утром.

— После вызова?

— Отрицает, собирается нарушить и объясняет намерение словами умершей матери.

Мирон снял с пояса прежнюю серую карточку выдачи цилиндров. Ту самую, где копировальная полоса лежала рабочей стороной вниз.

— Перевернутая копия скрывает получателя. Графитовые номера в кабинете связали личный футляр Ланской с пропажей. Теперь источник сто восемнадцать содержит признаки применения всех трёх цилиндров, а живой возвратчик получил измеримый ущерб. Это больше не кража имущества.

Он перечеркнул заголовок на лицевой стороне протокола. Под ним написал новый: «Причинение вреда памяти с использованием речевого следа». Песок лёг на свежие буквы и потемнел.

Аглая прочла через его плечо.

— Такая квалификация отдаст дело городской палате. Университет потеряет право внутреннего расследования.

— Университет потерял его в ту минуту, когда студентка перестала помнить собственное обещание.

— Вы закрываете метод из-за одной ошибки.

— Я закрываю комнату из-за доказательства применения трёх украденных носителей. Метод пока проходит свидетелем.

— Методы не бывают свидетелями.

— Тогда вам нечего бояться его допроса.

Сона неожиданно засмеялась. Смех был коротким и растерянным.

— Лица убьёт меня за конспект.

— Она написала, что вы обещали вернуть его до шести, — сказал Ефим.

— Обещала? — Сона снова посмотрела на свой почерк. — Странно. Я бы не стала. Он мне самой нужен.

Для неё это уже было разумно. Пустота быстро обрастала доводами.

Вера взяла со стола чистую карточку и написала крупно: «Сона, не уходите одна. Не идите к западной набережной. Это не приказ вашей матери. Это мера до проверки вызова». Ниже поставила время и подпись, затем передала ручку девушке.

— Если согласны, подпишите. Если нет — выберите человека, с которым уйдёте.

Сона перечитала карточку дважды.

— А если я забуду, что согласилась?

— Карточка останется у вас. Копия — у выбранного человека. И мы не будем делать вид, что бумага вернёт вам решение.

Девушка посмотрела на Аглаю, потом на Веру.

— Я выберу Лику.

Она подписала.

Мирон приказал вызвать университетского врача и стража для сопровождения. Ефим начал составлять отдельный акт о повреждении контрольной пластины. Аглая отошла к нише и стояла там неподвижно, будто закрытая витрина ещё могла вернуть ей власть над комнатой.

Вера собирала песок в три разных пакета. На чёрных зёрнах поблёскивала бронзовая пыль. Она ссыпала их, когда Мирон положил рядом серую карточку выдачи.

— Три борозды на обороте, — сказал он. — Мы решили, что получатель расписался по перевернутой копии. А если это не подпись?

Вера взяла лупу. Борозды шли почти параллельно и заканчивались одинаковыми круглыми вмятинами.

Не буквы. Удары.

— Пробный оттиск молотка на бумаге, — сказала она. — Копирку перевернули не для сокрытия подписи. Её проверяли, переносится ли след без краски.

— Значит, выдача была опытом.

— А реестр — четвёртой поверхностью.

Мирон посмотрел на дверь, за которой страж уже натягивал новую ленту.

— Кто имел право одновременно работать с выдачей, ручкой и контрольной комнатой?

— Никто.

— Это ответ по уставу.

Вера вспомнила три отдельные пломбы и то, как легко они оказались в одной комнате, когда каждый принёс свой ключ.

— Тогда ищем не человека с тремя полномочиями, — сказала она. — Ищем троих, каждый из которых считал, что выполняет только свою часть.

Из коридора донёсся голос Соны:

— Я ничего вам не обещала.

Лика, успевшая прибежать из общежития, ответила не сразу:

— Поэтому я пришла не за обещанием. Я пришла за тобой.

Вера закрыла пакет с чёрным песком. На сургуче отпечатался её личный знак — незамкнутый круг.

Мирон снял вату из второго уха и положил её в новый конверт.

— Теперь покажете инвентарную фотографию, которой не видели?

— Покажу дело. И исправлю показания до того, как вы попросите второй раз.

— Это доверие?

— Это цепочка хранения.

— Для начала сойдёт.

Он открыл дверь, но Вера задержалась у погасшей контрольной пластины. Восьмая дуга уже бледнела. Три похищенных цилиндра были не целью и не трофеем. Кто-то учился переносить обязанность с мёртвого голоса на живого человека — и сегодня впервые проверил, удержится ли она после того, как собственные слова человека исчезнут.

Удержалась.

Глава 4. Фраза, которой не было

Исправлять ложь оказалось проще, чем выбирать для неё название.

Вера сидела в комнате протоколов городской палаты, перед ней лежали два листа. На первом её вчерашние показания: «Расположение инвентарного чехла не соответствовало старой фотографии кабинета». На втором — пустая строка после слов «Прошу считать верным».

Мирон поставил рядом песочницу и отошёл к окну.

— Вы не будете диктовать?

— Если продиктую, исправление станет моей версией.

— А если я выберу удобное слово?

— Оно останется вашим.

За окном речной туман скрывал противоположный берег. Крыши палаты, университета и старой типографии торчали из белизны отдельными островами, между которыми нельзя было доказать путь.

Вера написала: «На момент показаний фотографию не видела. Сослалась на неё, чтобы отсрочить изъятие немаркированного футляра. Фактически установила перемещение чехла по положению ремня и пряжки, которое запомнила при собственном неучтённом осмотре».

Перо остановилось.

Она добавила: «Осмотр провела без понятий. Футляр скрыла в том же кабинете. Содержание одного самопроизвольного воспроизведения сообщила не полностью».

— Последнее уточните, — сказал Мирон, не оборачиваясь.

— Вы всё-таки диктуете.

— Я прошу различить: не полностью пересказали или умышленно скрыли часть?

Вера приписала одно слово: «Умышленно».

Мирон вернулся к столу только после того, как она поставила подпись. Прочёл, посыпал строки песком и приложил лист к первому протоколу, не закрывая старый текст.

— Теперь дело знает обе версии, — сказал он.

— И какая ему нравится больше?

— Дела не должны иметь вкуса. У следователей и без того слишком много лишнего.

Он подвинул к ней серую папку инвентарного архива. Фотография кабинета Лозина действительно лежала внутри — между описью мебели и планом эвакуации. На снимке восьмилетней давности подоконный шкаф был открыт. Чехол измерительной трубы стоял на нижней полке пряжкой к стене.

Вера почувствовала почти обиду. Снимок подтверждал именно то, чем она прикрылась, не видя его.

— Если бы я сначала запросила дело...

— Вы бы потеряли футляр на двадцать минут раньше.

— Это не делает ложь необходимой.

— Нет. Только объяснимой.

— Для протокола есть разница?

— Для протокола объяснимая ложь остаётся ложью. Для напарника — становится картой места, где вы, вероятно, солжёте снова.

Вера подняла взгляд.

— Я не соглашалась быть вашим напарником.

— Вы второй день исправляете мои гипотезы бесплатно. Палата считает это согласием.

На столе между ними лежала ещё одна папка, чёрная. На сургуче стояли четыре знака: Веры, Мирона, Ефима и врача, осмотревшего Сону. Внутри хранились контрольная пластина вчерашнего вызова и стенографическая лента. Не цилиндр — механическая запись колеба-

ний воздуха, слишком грубая, чтобы воспроизводить содержание, но пригодная для сравнения пауз, силы и направления.

Мирон протянул Вере ключ от своей пломбы.

— Акустическая лаборатория ждёт нас в десять. Аглая требует присутствовать.

— Имеет право. След принадлежит университету.

— Сона тоже принадлежит университету?

— По мнению Аглаи — пока подписывает согласия.

Они дошли до лаборатории по крытой галерее. У каждого перехода Мирон отмечал время. После опыта он перестал носить вату постоянно, но перед дверью лаборатории достал свежие комочки и положил в карман жилета.

— Почему не вставляете?

— Сегодня мы слушаем не голос. Только форму.

— Вчера форма задала вопрос.

— Поэтому заслонка останется под рукой.

Лаборатория занимала бывшую университетскую часовню. Купол был разбит на ячейки войлочными перегородками; вместо алтаря стоял длинный стол с двумя фонографами и барабаном речевой тени. На стенах висели медные раструбы, похожие на засушенные цветы.

Аглая ждала у стола. Рядом с ней стоял худой мужчина в закатанной до локтей рубашке. Серебристая прядь пересекала его тёмные волосы от виска к затылку, пальцы были в чёрной пыли.

— Лев Тарн, заведующий акустической мастерской, — сказала Аглая. — Единственный, кто может прочесть такую ленту без воспроизведения.

— Единственный в городе или единственный, которого выбрали вы? — спросил Мирон. Лев улыбнулся одним уголком рта.

— В городе ещё трое. Один глух, второй пьян с позавчера, третья — моя бывшая жена и разговаривает со мной только через адвоката. Можете начать с любого.

Он посмотрел на Веру дольше, чем требовало знакомство.

— Ты всё-таки вернулась к вызовам.

— Я вернулась к уликам.

— Они обычно приводят людей туда, куда те зарекались возвращаться.

Мирон перевёл взгляд с одного на другую.

— Знакомы?

— Вместе учились, — сказала Вера.

— Вместе настраивали первый переносной тенемер, — одновременно сказал Лев.

— Значит, знакомы, — заключил Мирон. — В протокол внесём полную версию.

Лев перестал улыбаться.

Аглая предъявила допуск лаборатории, Мирон — постановление палаты. Пломбы вскрыли по очереди. Контрольную пластину установили на барабан так, чтобы игла не касалась борозд. Стенографическую ленту Лев растянул под стеклом и закрепил грузами.

— Содержание нас не интересует, — сказал Мирон.

— Содержание всегда всех интересует, — ответил Лев. — Просто не все признаются.

— Тогда считайте это испытанием вашей честности.

Лев включил боковую лампу. Рельеф ленты бросил на белый экран длинную зубчатую тень.

— Первые сорок две секунды — старый учебный след. Один источник, западная стена, отражение от деревянной галереи. Вот кашель ректора, вот скрип стула, вот шорох слушателей.

Он двигал указкой, не касаясь экрана.

— После третьей паузы входят удары. Затем меняется несущая борозда. Голос тот же по основному рисунку гласных, но помещение другое.

— Почему? — спросил Мирон.

— В актовом зале звук возвращается через семь сотых секунды. Здесь — через одиннадцать.

— «Здесь» — в лаборатории?

— В наложенном фрагменте.

— Не называйте неизвестное место «здесь», — сказала Вера. — Это заставляет считать его единым.

Лев взглянул на неё и сменил мел.

— Справедливо. В первом встроенном фрагменте отражение через одиннадцать сотых. Во втором — через девять. Последнее слово, прошедшее через возвратчика, вообще не имеет комнатного отражения.

— Три вставки? — спросила Аглая.

— Минимум три акустические среды.

Мирон записал числа.

— Можно определить комнаты?

— По одной задержке — нет. Нужны форма стен, материал, температура, люди внутри.

— Фоновый шум?

Лев наклонил лампу ниже. Под крупными зубцами тянулась частая мелкая рябь.

— В учебном следе — ветер с реки и шаговый гул актового зала. Во вставке есть механический ритм. Пять слабых толчков, пауза, два сильных. Повтор каждые четыре и восемь десятых секунды.

— Сердце? — спросила Аглая.

— Слишком медленно и правильно.

— Насос подвала?

— У нас поршневые насосы дают четыре удара.

Вера смотрела на рябь. Пять коротких, два длинных. Она уже слышала такой размер, но не могла вспомнить где. Не звук — ожидание звука, мгновение перед тем, как помещение вздрогнет.

Мирон положил рядом инвентарную фотографию кабинета.

— Может это быть измерительная труба, в чехле которой лежал футляр?

— Труба даёт чистый тон, — ответил Лев. — Здесь тяжёлый механизм. И ещё кое-что.

Он сменил увеличение. Между ритмическими толчками появились наклонные штрихи.

— Воздушные хлопки. Будто рядом быстро раскрывают большие плоские поверхности.

— Двери?

— Слишком часто.

— Книги, — сказала Вера.

Лев покачал головой.

— Страница не двигает столько воздуха.

— Не страница. Лист.

Она вспомнила старую типографскую лестницу, свежую смазку на внутреннем замке и графит у строки Мирона. Но сказала только:

— Большие бумажные листы, если механизм поднимает их и прижимает.

Мирон не посмотрел на неё. Записал: «Версия: печатный или переплётный механизм».

Аглая постучала ногтем по столу.

— В университете шесть печатных машин. Канцелярия, библиотека, три кафедры и издательство.

— Семь, — сказал Лев.

Его указка замерла.

— Старая плоскопечатная машина в закрытой типографии. Её не вывезли после затопления подвала. Она делает пять холостых ходов на подачу, потом два нажима.

— Закрыта десять лет, — сказала Аглая.

— Девять лет и восемь месяцев, — поправил Мирон.

Вера услышала, как Лев перестал дышать на долю секунды.

— Откуда такая точность? — спросил он.

— Проверял лестницу.

— Машина заржавела ещё до закрытия корпуса.

— Вы её видели после закрытия?

— Я обслуживал акустику университета. Видел всё, что шумит.

— Когда в последний раз?

Лев взглянул на Аглаю.

— Лет восемь назад.

Мирон записал и это.

— Продолжайте разбор.

Лев передвинул ленту к фразе, произнесённой голосом ректора: «Решение кафедр должно иметь силу до тех пор, пока живые не докажут право его отменить».

— Слова собраны из одного голоса, — сказал он. — Но не из одной речи. Видите швы перед «должно», «живые» и «отменить»? Там исчезает придыхание.

— Можно установить исходные фразы? — спросила Вера.

— Если найдём корпус записей ректора Бронина. Он умер тридцать четыре года назад, говорил много, любил повторяться. Монтажёр мог взять отдельные слова из десятка заседаний.

— Или из трёх цилиндров, — сказал Мирон.

— На сто восемнадцатом была речь Бронина о западном корпусе, — ответила Аглая. — На сто девятнадцатом — голос председателя совета Крайского. На сто двадцатом — формула первого ректора Ладожина при учреждении университета. Три разных человека.

— А вчера мы слышали голос Бронина, удары предмета Крайского и знак Ладожина, — сказала Вера. — Связка переносит не только слова. Она заставляет один голос выглядеть полномочным сразу в трёх контекстах.

— Юридически это бессмыслица, — сказал Мирон.

— Пока человек не поверит, что слышит решение, заверенное тремя основаниями.

Аглая медленно сняла серебряную булавку-камертон с воротника и положила на стол.

— Вы делаете вывод о намерении из дефекта учебного опыта.

— Вопрос к Соне не был дефектом, — сказала Вера. — Он был проверкой подчинения.

— Это ваша интерпретация.

— Тогда предложите другую, которая объяснит новое содержание, три среды, проявление печати и утрату обещания.

— Сона была подготовлена ожиданиями. Вы внушили ей страх до вызова, следовательно превратил красную нить в доказательство, а потом вы разрезали её в момент сильнейшего напряжения. Память могла исчезнуть от вмешательства возвратчика, не от записи.

Мирон перестал писать.

— Вы хотите сказать, что вред Соне причинила Ланская?

— Я говорю, что причинность не установлена.

Вера почувствовала, как внутри поднимается готовый ответ, быстрый и бесполезный. Аглая не обвиняла её. Она создавала версию, достаточно правдоподобную, чтобы спор о вине вытеснил вопрос о механизме.

— Проверим, — сказала Вера. — Возьмём семь прежних пластин опытов Соны. Если утрата происходила только при аварийном разрыве, на них не будет наложенной борозды. Если

происходила при обычных вызовах, тетради покажут пропуски. Если вчерашний вред связан со вставкой, только восьмая пластина даст три среды и чужое побуждение.

Аглая подняла подбородок.

— Тетради возвратчиков содержат личные записи.

— Их можно сверить у нотариуса без передачи содержания палате.

Ефим, отсутствовавший в лаборатории, не мог согласиться или возразить. Аглая потереяла возможность сослаться на него немедленно.

Мирон отметил ходатайство.

— До сверки версия о вмешательстве Ланской остаётся версией. Как и версия о монтаже.

Но фраза ректора не принадлежит исходному учебному следу — это уже измеренный факт?

Лев посмотрел на экран.

— Да.

— Она собрана из нескольких речей?

— Да.

— Фон указывает на механический источник, совместимый со старой плоскопечатной машиной?

Лев помедлил.

— Совместимый. Не уникальный.

— Этого достаточно для осмотра, не для обвинения.

Аглая взяла камертон, но не приколотла обратно.

— Старая типография аварийная. Я не разрешу вход без комиссии.

— Вход уже разрешил тот, кто смазал внутренний замок, — сказал Мирон.

— Вы снова превращаете обслуживание здания в преступление.

— Тогда служба хозяйства покажет заявку.

Она вышла первой. Дверь за ней закрылась мягко, без хлопка.

Лев выключил лампу. Зубчатая тень исчезла, но Вера продолжала видеть ритм: пять коротких, два длинных.

— Почему вы не сказали сразу, что узнали машину? — спросил Мирон.

— Потому что я не узнал. Предположил.

— Вы перестали дышать, когда я назвал срок закрытия.

— В вашей палате теперь протоколируют дыхание?

— Только когда оно меняет показания.

Лев снял со стекла первый груз.

— Старая машина могла звучать так до затопления. Сейчас она не работает.

— Вы уверены?

— Нет. И именно поэтому не назвал её единственным источником.

Вера встала между ним и папкой.

— Кто умел записывать акустическую тень машины отдельно от голоса?

— Любой выпускник моей мастерской последних пятнадцати лет.

— Сколько их?

— Сорок три.

— Кто умел наложить её так, чтобы направление менялось без переходного шва?

Лев взял второй груз, но не поднял.

— Двое.

— Ты и кто ещё?

— Ты.

Мирон медленно закрыл протокол.

— Теперь полная версия знакомства становится особенно полезной.

Вера не отвела глаз от Льва.

— Мы разрабатывали переносной тенемер. Не монтаж.

— Любой прибор, который умеет разделить звук по направлению, можно заставить собрать его обратно, — сказал Лев. — Мы это понимали.

— Поэтому уничтожили обратную матрицу.

— Ты уничтожила свою.

Туман за высоким окном посветлел. На другом берегу проступила верхушка университетской башни, но нижние этажи всё ещё скрывались, и казалось, башня не стоит, а висит над рекой.

— Где твоя? — спросила Вера.

Лев наконец отпустил груз.

— Пропала восемь лет назад. После того как закрыли типографию.

Мирон открыл протокол снова.

— Заявление о пропаже подавали?

— Нет.

— Почему?

— Потому что матрица была собрана без разрешения кафедры. Если бы я заявил, нас обоих лишили бы допуска.

— Вы сохранили должность. Удобно.

— Я сохранил мастерскую, — сказал Лев. — Иногда это не одно и то же.

Вера вспомнила годы, когда они спорили ночами над медными мембранами. Лев всегда считал устройство невиновным до применения. Она — опасным с момента, когда оно позволяло скрыть применившего.

— Почему ты не сказал мне?

— Ты уже ушла в архив. И выбрала правила, в которых для нашей работы не было места.

— Я выбрала границы.

— Границы — это правила, которым дали красивое имя.

Мирон положил между ними лист.

— Нарисуйте матрицу. Отдельно. Не советуясь. Если схемы совпадут, получу описание устройства. Если разойдутся, получу две версии прошлого, что в этом деле даже привычно.

Лев горько усмехнулся.

— Вы всегда так примиряете бывших коллег?

— Нет. Иногда рассаживаю по разным камерам.

Они рисовали по разные стороны часовни. Вера начала с трёх приёмных мембран, расположенных полукругом, затем обозначила восковой барабан и обратную гребёнку. Самой опасной частью был не барабан, а пустая кассета между ним и гребёнкой: туда можно было вставить чужую паузу, не меняя голосового рисунка.

Когда листы положили рядом, схемы совпали почти полностью. Только Лев добавил четвёртый канал, помеченный чёрным квадратом.

— Этого не было, — сказала Вера.

— В нашей общей версии — нет.

— Что он делает?

— Записывает не звук, а отсутствие звука. Комнатную тишину между словами. Если подложить правильную тишину, фраза кажется произнесённой в нужном месте.

Вера посмотрела на стенографическую ленту. Чистые паузы перед тремя словами были не пустотами монтажа. Это были вставки другой тишины.

— Поэтому фон меняется раньше, чем начинается слово.

— Да.

— Ты построил четвёртый канал после моего ухода?

— Через полгода.

— Где испытывал?

Лев повернул свой лист. Внизу стоял маленький знак — пять точек и две черты.

— Там, где шум машины позволял не слышать ошибки. В старой типографии.

Мирон забрал оба рисунка.

— Теперь у нас есть не только совместимый фон. Есть свидетель, устройство и место испытаний.

— Есть бывшее место испытаний, — сказал Лев. — И свидетель, который восемь лет скрывал незаконную матрицу. Не путайте это с виновником.

— Не буду. Виновники обычно меньше помогают протоколу.

Он заново опечатал пластину и ленту. Вера поставила знак рядом с его знаком, Лев расписался как эксперт. На этот раз Аглаиной пломбы не было: она ушла до окончания исследования. Её отсутствие ничего не доказывало, но меняло цепочку.

У выхода Мирон отдал Вере копию постановления на осмотр типографии.

— Пойдём сейчас?

— Нет. Сначала хозяйственная служба, планы подвала и проверка аварийности. Потом перекроем оба известных выхода.

— Оба?

— Главный вход и лестницу, которой пользовался я.

— Если машину запускали, должен быть воздухопровод. Печатная краска и бумажная пыль забьют закрытый подвал за час.

— Значит, найдём третий выход.

Он распахнул дверь часовни. В коридоре пахло мокрой штукатуркой и типографской краской.

Запах был слабым, почти исчезающим. Вера остановилась.

— Лев, вы сегодня печатали?

Из лаборатории донёсся его ответ:

— Мы ничего не печатаем. Это акустическая мастерская.

Мирон провёл пальцем по дверной ручке. На коже осталась тонкая чёрная полоса.

Не графит. Краска.

След тянулся вдоль коридора к служебной лестнице, но обрывался у окна, раскрытого в белый речной туман.

Глава 5. Право на последнюю реплику

К полудню вред, причинённый Соне, перестал быть тайной следствия и стал университетской версией правды.

В одной версии студентка лишилась памяти из-за небрежности архивистки. В другой — услышала мать и сошла с ума. В третьей никакого вреда не было: кафедра якобы придумала его, чтобы получить деньги на новые предохранители. Все три версии сходились в одном — возле архива уже стояли родственники умерших и требовали немедленно уничтожить записи.

Вера увидела их через стекло внутренней двери. Девять человек теснились в приёмной, ещё пятеро ждали во дворе под мелким дождём. На столе дежурной лежали заявления, прижатые бронзовой гирей. Верхнее было написано крупно, с нажимом, прорвавшим бумагу у слова «согласия».

— Кто рассказал? — спросила Вера.

Дежурная Инга покосилась на закрытую дверь.

— Никто. То есть все. Из лечебницы позвонили в общежитие, из общежития — родителям. Кто-то видел палату у часовни. А госпожа Вельская принесла утренний листок.

На скамье сидела сухая женщина в чёрной шляпе. Она держала газету так, будто предъявляла улику. Заголовок сообщал: «МЁРТВЫЕ ОТНИМАЮТ ОБЕЩАНИЯ У ЖИВЫХ». Ниже стояло имя Рады.

Вера дочитала первые два абзаца. Рада не назвала Сону и не утверждала, что причиной был обычный вызов. Она описала подтверждённый вред, опечатанную комнату и спор о природе вставки. Заголовок редакция, вероятно, сочинила сама. Но разницу между осторожным текстом и криком над ним никто в приёмной разбирать не собирался.

— Мой муж хранится у вас двенадцать лет, — сказала госпожа Вельская. — Я разрешала сохранить его речь о строительной артели. Я не разрешала вкладывать ему в рот распоряжения.

— И никто не имеет такого разрешения, — ответила Вера.

— Значит, цилиндр уничтожат сегодня.

— Нет.

Слово вышло слишком быстро. Девять лиц повернулись к ней одновременно.

— То есть вы отказываетесь вернуть семье голос? — спросил полный мужчина у окна.

— Отголосок не принадлежит архиву, но и не является вещью, которую можно выдать в пакете. На нём могут быть следы вмешательства. До проверки уничтожать носитель нельзя.

— Очень удобно, — сказала Вельская. — Когда вызывали покойных без родственников, это называлось наукой. Когда нас напугали последствия, это стало доказательством.

Вера знала её имя по карточкам: Кира Вельская, наследница инженера Марка Вельского. Его отголосок трижды использовали при восстановлении северной плотины. Последний вызов был пять лет назад, до введения правила двух хранителей.

— Я приму ваше требование и отдельно зафиксирую запрет на вызов, — сказала Вера. — Но физическое уничтожение до окончания осмотра будет утратой возможной улики.

— В каком деле? Нам не сообщили ни номера, ни обвиняемого.

Вера посмотрела на Ингу. Та едва заметно покачала головой: постановление Мирона ещё не доставили.

— Тогда вы удерживаете семейные записи по собственному решению, — заключила Вельская. — Именно от такого права мы хотим защититься.

Дверь с улицы распахнулась, впуслав дождь и Мирона. Он нёс свёрнутые планы типографии, а под мышкой — синюю папку. Увидев приёмную, остановился на пороге и пересчитал людей.

— Кто-нибудь уже пытался пройти в хранилище?

— Мы пришли законно, — сказал полный мужчина.

— Тогда вопрос был не вам.

Инга ответила:

— Один господин дёргал решётку. Решётка выдержала, господин ушёл жаловаться на решётку.

Мирон положил папку на стол.

— Постановление о временном запрете любых вызовов по фонду кафедр. Носители остаются на местах до составления перечня.

Вельская протянула руку, но он не отдал документ.

— Копию получите после регистрации.

— А уничтожение?

— Следственная палата может удерживать предметы, связанные с преступлением. Не весь архив из сорока тысяч единиц.

В приёмной стало тише. Вера почувствовала не облегчение, а провал под ногами. Мирон остановил вызовы, но не дал ей права удержать остальные следы. Любой наследник мог потребовать уничтожения своего цилиндра прежде, чем они узнают, касалась ли его монтажная цепочка.

— Вставка собрана из речей Бронина, — сказала она. — Мы не знаем, из каких носителей взяты слова. Пока не сравним борозды, потенциальным источником может быть любой его след.

— У Бронина сто восемьдесят семь носителей, — ответил Мирон. — Их я включу в перечень. Остальных — нет.

— А комнатная тишина? Её могли снять с любого вызова. Или пропустить через чужую пластину, чтобы скрыть происхождение.

— «Могли» не превращает сорок тысяч частных записей в вещественные доказательства.

Вельская посмотрела с одного на другую.

— Даже ваш следователь считает, что вы присваиваете лишнее.

— Я считаю, что власть должна уметь назвать границу, — сказал Мирон. — В том числе когда граница мешает расследованию.

Вера услышала в его голосе предупреждение. Ещё утром она одобрила бы эту фразу. Теперь за дверью хранилища лежала возможная карта монтажа, которую могли уничтожить по частям, законно и без сговора.

Из коридора появилась Аглая Рубеж. Серебряная булавка снова была приколоты к её воротнику. За ней шли университетский юрист и двое работников хранилища с пустыми ящиками.

— Коллеги, — сказала Аглая, обращаясь сразу ко всем, — университет признаёт тревогу семей обоснованной. До выяснения обстоятельств кафедра готова исполнить заявления об уничтожении частных речевых следов в присутствии наследников.

Работники поставили ящики на пол.

Вера поняла, почему заведующая не спорит и не просит времени. Если семьи сами уничтожат возможные исходники, никто не сможет обвинить кафедру в сокрытии улики. А если вместе с ними исчезнут следы незаконных процедур, это будет выглядеть уважением к частной воле.

— На каком основании вы обещаете исполнение сегодня? — спросила Вера.

— Положение о семейном отзыве согласия. Пункт девять.

— Пункт девять требует сверить права всех наследников.

— Сверим.

— И дать тридцать дней другим правообладателям на возражение.

— Если они известны.

— А также сохранить регистрационную оболочку после уничтожения содержания.
Аглая улыбнулась без тепла.

— Вы превосходно помните правила, когда они дают вам отсрочку.

— И вы превосходно забываете их, когда отсрочка вам невыгодна.

Юрист кашлянул. Мирон развернул один из планов прямо на стойке дежурной, словно спор его не касался, но Вера видела: он слушает.

Кира Вельская встала.

— Мне не нужна ваша внутренняя война. Мне нужно, чтобы голос мужа больше никто не трогал.

— Это можно обеспечить сейчас, — сказала Вера. — Я внесу запрет вызова в три независимых реестра. Ни кафедра, ни следствие не сможет воспроизвести запись без нового решения суда и уведомления семьи.

— Но сама запись останется у вас.

— В запечатанном виде.

— Именно запечатанный носитель заговорил голосом живого человека, если верить газете.

Возразить было нечем. Немаркированный футляр действительно заговорил сам. Вера не могла требовать доверия к печати, которую уже однажды обошли.

— Тогда пломба должна быть не нашей, — сказала она. — Семейная и судебная. Два ключа от внешнего футляра — у разных сторон. Университет не сможет открыть его один.

— Суд ещё ничего не решил, — заметил юрист.

— Поэтому я прошу заморозку, а не передачу полномочий.

— Просить можно в канцелярии городского суда, — сказала Аглая. — До решения действует право отзыва.

Работники подняли ящики. Вельская протянула Инге своё заявление.

Мирон перестал разглядывать план.

— Если уничтожение начнётся сейчас, я опечатаю помещение как место возможной утраты доказательств.

— В постановлении нет всего фонда, — напомнила Вера.

— Нет. Поэтому через два часа печать снимут, а мне выпишут взыскание. Двух часов вам хватит до суда?

— Если судья Рощина на месте.

— Она ведёт слушания до четырёх.

— Откуда вы знаете?

— Я собирался просить ордер на типографию, а не участвовать в семейном собрании.

Он свернул план и передал Вере синюю папку.

— Здесь результаты акустики, протокол вреда без имени студентки, список носителей Бронины и моё возражение против заморозки всего фонда.

— Возражение?

— Суд должен знать, что мы не сговорились расширить полномочия друг друга.

— Какая трогательная независимость, — сказала Аглая.

— Она обычно трогает тех, кто привык к зависимым решениям.

Вера взяла папку. Если она уйдёт, Аглая останется с семьями. Если останется — через два часа работники откроют первый футляр.

— Инга, внесите все сегодняшние заявления как требования запрета вызова, но не как распоряжения об уничтожении. Оригиналы не отдавать никому до решения суда.

— У вас нет права менять содержание заявлений, — сказал юрист.

— Я не меняю. Разделяю два требования, потому что одно можно исполнить немедленно, а второе требует процедуры.

— Я отменяю ваше распоряжение, — сказала Аглая.

— Тогда подпишите отмену лично и укажите, что разрешаете уничтожение потенциальных источников монтажа после установленного вреда живому возвратчику.

Вера пододвинула ей чистый лист.

Аглая не взяла перо.

Кира Вельская смотрела уже не на Веру, а на заведующую.

— Почему вы не хотите подождать решения суда?

— Потому что университет слишком долго объяснял семьям, что знает лучше, — ответила Аглая. — Иногда уважение начинается с немедленного исполнения воли.

Ответ был хорош. Почти безупречен. Вера увидела, как несколько человек кивнули.

— Воли живого человека, — сказала она. — Не нашей догадки о том, чего хотел умерший. И не решения одного наследника, если их несколько. Мы расследуем именно подмену согласия красивой фразой. Если сейчас уничтожим следы под давлением красивого заголовка, повторим тот же приём.

Вельская сложила газету вчетверо.

— Я согласна на два часа. Не больше.

Остальные заговорили разом. Кто-то поддержал её, кто-то потребовал ящик немедленно. Полный мужчина у окна назвал Веру расхитительницей покоя. Инга начала записывать имена возражающих. Мирон вынул палатковую печать.

Когда красный воск лёг на дверь хранилища, Аглая сказала негромко:

— Если вы проиграете, кафедра запомнит, кто поставил следствие над семьями.

— А если выиграю?

— Семьи запомнят, кто не дал им уничтожить голоса близких.

Угрозой это не звучало. Именно поэтому Вера поверила.

До городского суда было двенадцать минут быстрым шагом. Вера прошла их за девять, один раз едва не поскользнувшись на мокрой мостовой. В синей папке листы били по картонным стенкам в такт её шагам.

Судья Рощина приняла её не в зале, а в узком кабинете за кафедрой. На подоконнике сохли перчатки, возле шкафа стоял чайник, облепленный известковыми потёками. Мирон появился через три минуты с планами типографии и мокрым плечом плаща.

— У вас семь минут, — сказала судья. — Потом слушание по затопленному складу. Если ваша просьба длиннее семи минут, значит, вы не знаете, чего просите.

Вера положила заявление.

— Временный запрет на уничтожение речевых носителей до независимой описи и разделения фонда на три категории.

— Какие?

— Связанные с поддельной фразой; проверяемые на связь; не имеющие установившейся связи. Для первых — судебное хранение. Для вторых — семейно-судебная пломба без воспроизведения. Третьи возвращаются под обычный порядок отзыва.

— Срок?

— Десять дней на первичную опись.

Мирон положил рядом своё возражение.

— Следствие подтверждает риск утраты улик, но считает весь фонд чрезмерным объёмом ограничения.

Судья пролиستала его документ.

— Вы пришли поддержать просьбу или разрушить её?

— Установить предел.

— У вас, следователей, это называется поддержкой, когда вы не можете арестовать всё здание.

Она прочла протокол акустики, задержавшись на схеме трёх сред.

— Госпожа Ланская, каким способом вы определите вторую категорию без воспроизведения? Или ваша пломба — красивое название для права послушать всех покойников?

Вера ждала этого вопроса, но приготовленный ответ всё равно показался слабым.

— По регистрационным признакам: дата вызова, помещение, возвратчик, предмет-свидетель, оборудование. Монтаж оставляет связь не только в содержании. Нам нужны журналы и оболочки носителей, не голоса.

— А если оболочка подменена?

— Тогда её сверят с нотариальными книгами и расходом воска.

— Кто будет сверять?

— Не кафедра в одиночку. Хранитель, представитель семей и судебный описчик.

— Следователь?

— Только для первой категории, — сказал Мирон.

Судья подняла глаза.

— Почему десять дней?

— Потому что за меньшее время опись будет фиктивной, — сказала Вера.

— А за большее временная мера станет новым порядком без закона. Пять дней.

— Не хватит.

— Тогда назовите число людей и часов.

Вера мысленно разложила фонд по журналам. Сорок тысяч носителей проверять не требовалось: незаконная матрица пропала восемь лет назад, значит, более ранние записи можно было вынести за предел, если их не вызывали позже. После введения правила двух хранителей журналы стали двойными. Оставалось шесть лет неполных книг, около трёх тысяч оболочек.

— Шесть описчиков, три представителя семей, два хранителя. Работа в две смены. Пять дней на регистрационные книги, ещё два на пломбирование спорных футляров.

— Семь дней, — решила Рощина. — Ни одного воспроизведения. Ни одного вскрытия внутренней оболочки. Списки участников до шести вечера. Семьи получают копии описи своих носителей. Любое расхождение — отдельное ходатайство, не расширение меры по усмотрению архива.

Мирон кивнул.

— И ещё, — сказала Вера. — Запрет на перемещение оборудования из старой типографии до осмотра.

— Это другое ходатайство.

Мирон развернул планы.

— Связь одна: в поддельной записи измерен ритм плоскочечатной машины, а эксперт подтвердил, что испытывал там устройство монтажа. Внутренний замок недавно обслуживали, на ручке лаборатории свежая краска.

— Кто владеет помещением?

— Университет.

— Аварийность?

— Подтоплен подвал, повреждена северная лестница. Главный зал признан ограниченно пригодным три года назад. Нового акта нет.

— Значит, внутрь вы не войдёте, пока городской инженер не подтвердит безопасность. Но входы опечатать разрешаю сейчас. Все известные входы.

— Известных два, — сказал Мирон. — По вентиляции возможен третий.

— Возможность — не адрес. Найдите его снаружи.

Судья подписала два листа, поставила время и протянула один Вере.

— Вы получили не право удерживать чужие голоса. Вы получили семь дней, чтобы доказать, какие оболочки связаны с преступлением. Не перепутайте.

— Не перепутаю.

Но, убирая постановление, Вера поняла: именно так будут говорить о её решении. Не о трёх категориях, независимой описи и запрете воспроизведения. О хранильнице, которая через суд не отдала семьям мёртвых.

У выхода Мирон задержался под каменной аркой.

— Теперь типография.

— Сначала вернём постановление. Печать на архиве временная.

— Я отправлю курьера.

— Аглая найдёт в формулировке дыру, если я не объясню Инге порядок регистрации.

— Уже нашла. Суд запретил уничтожение носителей, а заявления семей требуют уничтожить «речевые следы». Она скажет, что можно стереть борозду, сохранив цилиндр.

Вера перечитала резолютивную часть. Судья написала: «запретить уничтожение, изменение, воспроизведение и перемещение носителей и содержащихся на них речевых следов». Дыры не было.

— Рощина тоже знает Аглаю, — сказала она.

— В Ладомире все знают Аглаю. Половина считает её человеком, который спасёт университет. Вторая половина надеется оказаться рядом, когда она это сделает.

— А вы?

— Я считаю выходы.

Он показал план. Главный вход типографии выходил в закрытый двор. Служебная лестница соединялась с западным корпусом. Вентиляционный канал шёл к реке и заканчивался на плане пустым прямоугольником без подписи.

— Здесь раньше была насосная галерея, — сказала Вера. — После наводнения её заложили.

— Кто подписал акт?

Она нашла мелкую строку внизу листа. Чернила расплылись, но первая буква фамилии сохранилась: «Л». Рядом стояла дата — восемь лет назад, через месяц после пропажи обратной матрицы.

— Лозин, — сказала Вера. — Профессор, с кабинета которого всё началось.

Мирон свернул план не сразу.

— Значит, осмотрим кладку снаружи до прихода инженера. Без входа, без вскрытия. Если галерея действует, перекроем третий выход законно.

На ступенях суда их ждала Рада. Мокрые волосы прилипли к вискам, в руках она держала свежий выпуск газеты.

— Не начинай с заголовка, — сказала она Вере. — Я его не писала.

— Но знала, что текст выйдет.

— Знала. И знала, что если промолчу, кафедра назовёт Сону впечатлительной девочкой, а тебя — причиной аварии.

— Теперь семьи требуют уничтожить записи.

— Они имели право узнать о риске.

— До того, как мы сохранили доказательства?

Рада сжала газету. На миг Вера увидела не репортёра, а младшую сестру, которая в детстве всегда первой открывала дверь на крик и только потом спрашивала, безопасно ли там.

— Ты опять решила, что можешь выбрать правильный момент за всех, — сказала Рада.

Слова попали точнее обвинения Аглаи. Вера слышала собственный утраченный голос из цилиндра: «Если я начну выбирать за нас обеих...» Продолжение ускользало, оставляя лишь форму обещания.

— Да, — сказала она. — Я хотела бы, чтобы ты подождала. Но запрещать тебе не буду.

Рада явно приготовилась спорить и теперь не знала, куда деть следующий довод.

— Что решил суд?

— Семь дней заморозки. Без прослушивания. С участием семей.

— Они тебя возненавидят.

— Некоторые уже начали.

— Я могу написать, почему уничтожение опасно.

— Напиши, что заморозка не делает архив владельцем голосов. И что заявление о запрете вызова действует немедленно. Не защищай меня.

— Это просьба или условие?

— Просьба.

Рада кивнула. Мирон тактично изучал водосток.

— Куда вы теперь? — спросила она.

— К старой типографии, — ответила Вера. — Только наружный осмотр.

— После вашего прошлого «только» студентка оказалась в лечебнице.

— Поэтому с инженером, постановлением и перекрытыми выходами.

— И со мной.

— Нет.

Рада подняла брови.

Вера заставила себя не добавлять объяснение про опасность, работу следствия и семейную память. Любое из них превратило бы просьбу в запрет, который она только что обещала не выдавать за заботу.

— Я прошу тебя не идти, пока здание не признано безопасным, — сказала она. — Решение твоё. Но если придёшь, за оцепление не пустят.

— Вот теперь похоже на правду.

Рада убрала газету под плащ и пошла к редакции.

Университетский курьер принял судебное постановление у ворот. Вера продиктовала для Инги порядок: отдельно регистрировать запрет вызова, отзыв согласия и требование уничтожения; никому не отказывать в первом из-за заморозки второго. Затем поставила подпись под списком описчиков. Напротив графы «представители семей» оставались три пустые строки.

Кира Вельская, вышедшая следом из арки, остановилась рядом.

— Я войду в комиссию, — сказала она. — Не потому, что верю вам. Потому, что не верю никому из вас по отдельности.

— Это подходящее основание.

— И если вы попытаетесь прослушать хоть один след, я добьюсь уничтожения всего фонда.

— Тогда следите за пломбами.

Вельская расписалась первой.

Мирон отметил время.

— Два часа ещё не прошли, а у нас судебная мера, представитель семей и запрет вызова. Почти образцовый порядок.

— Вы говорите так, будто ждёте, что сейчас что-нибудь загорится.

— Старая типография, незаконная матрица и свежая краска. Я не жду. Я учитываю.

Они свернули на набережную. За решёткой университетского двора темнел закрытый корпус типографии. Дождь прибил бумажную пыль к камням, но у водостока белела узкая сухая полоса — словно из стены до недавнего времени шёл тёплый воздух.

Мирон присел, не касаясь кладки.

Из-за заложенного прямоугольника донёсся глухой удар. Потом ещё четыре — слабых и ровных.

Пауза.

Два сильных.

Вера больше не сомневалась, что узнала ритм.
Машина за стеной работала.

Глава 6. Чернильный шум

Городской инженер прибыл через сорок минут и первым делом потребовал тишины.

Звали его Савелий Крон. Он был невысок, широк в плечах и носил жёлтый непромокаемый плащ, из-за которого казался частью аварийного ограждения. К кладке насосной галереи он приложил деревянный рожок, другой конец прижал к уху и поднял ладонь.

За стеной было тихо.

— Вы уверены, что слышали машину? — спросил Крон.

— Пять слабых ходов, два сильных, — сказала Вера.

— Дважды?

— Один полный цикл и начало следующего, — уточнил Мирон.

— Значит, один раз. Водосток, плохо закреплённая ставня, перепад давления. Старые здания любят выдавать случайность за привычку.

Он переместил рожок ниже. На мокрых кирпичах белела сухая полоса шириной в ладонь. Крон провёл над ней пальцами, не касаясь поверхности.

— Тёплая.

— Машина нагрела воздух? — спросила Вера.

— Машина, печь, человек с чайником. Пока установлено только движение воздуха.

Мирон оглянулся на двух палатовых служителей у главного входа. Вторую пару он отправил к служебной лестнице. Никто не вошёл и не вышел, но тёплый поток из стены уже исчезал.

Крон вынул из сумки тонкую бумажную ленту, смочил один край и поднёс к шву кладки. Лента выгнулась наружу.

— Изнутри есть давление. Галерея не заложена наглухо.

— Можно вскрывать? — спросил Мирон.

— Можно получить кирпичом по голове. Сначала осмотрю основной зал и перекрытия. Ваше постановление разрешает вход после моего допуска, а не вместо него.

Главную дверь открыли университетским ключом в присутствии коменданта корпуса, судебного описчика и Льва Тарна. Мирон настоял на Льве как на эксперте по машине. Аглая прислала вместо себя юриста, того же, что утром стоял возле пустых ящиков.

На пороге Крон мелом провёл линию.

— За неё без моего слова не заходить. Если скажу «наружу», не собираете бумаги, не спорите и не ищите последнюю улику. Выходите.

— Даже если улика убегает? — спросил Мирон.

— Особенно если она весит меньше перекрытия.

Инженер вошёл один. Его фонарь двигался по стенам: вверх, к балкам; вниз, к полу; снова вверх. Он простукивал доски длинным шестом и отмечал мелом опасные участки. Через пять минут разрешил остальным пройти цепочкой вдоль восточной стены.

Типографский зал оказался больше, чем помнила Вера. Пустота изменила масштаб. Стеллажи вывезли, наборные кассы исчезли, окна заколотили изнутри. Посередине под брезентом стояла плоскопечатная машина.

Брезент был сухим.

Вокруг на полу лежал толстый слой серой пыли, но от двери к машине тянулась дорожка. Кто-то заметал следы, двигая метлу полукругами, и слишком старательно выровнял края.

— Ничего не трогать, — сказал Мирон.

Лев остановился у меловой линии.

— Это она.

— Вы видите только брезент, — заметил юрист.

— У неё маховик выступает справа. В университете такой кожух был один.

Крон проверил балки над машиной и позволил приблизиться на три шага. Мирон сфотографировал пыль, дорожку и узлы брезента. Вера смотрела не на машину, а на окна. Все доски были серыми, кроме одной — на ней чернела свежая шляпка гвоздя.

— Западное окно открывали, — сказала она.

Мирон изменил угол фонаря. Под доской обнаружился узкий просвет, заткнутый полосой войлока.

— Не окно, — сказал Лев. — Воздухозабор. Для четвёртого канала нужна тишина, но машине нужен поток. Войлок глушит улицу и пропускает воздух.

— Если его поставили восемь лет назад, он был бы серым, — сказала Вера.

Кромка войлока оставалась синей.

Мирон занёс находку в протокол. Затем opisчик снял пломбу с брезентового шнура. Под тканью открылась чёрная станина, блестящая от масла. На подающем столе лежал чистый лист бумаги.

Крон выругался тихо и выразительно.

— Эта машина не должна работать. Привод отсоединяли после затопления.

Лев присел, не переступая отмеченной границы.

— Штатный привод и сейчас отсоединён. Здесь переносная тяга.

Из-под станины выходил узкий ремень. Он уходил в круглое отверстие пола, обитое новой медью.

— В подвал? — спросил Мирон.

— В насосную галерею, — ответил Крон. — Или туда, где она была по старому плану.

Вера прислушалась. Ни ударов, ни скрипа. Только вода капала где-то за стеной.

— Почему машина остановилась до нашего входа?

— Услышали нас, — сказал Мирон.

— Через кладку?

Лев указал на станину. На ней крепился маленький медный раструб, обращённый не в зал, а к входной двери.

— Сторожевой слухач. Дверь меняет давление, мембрана отпускает защёлку привода. Машина останавливается сама.

— Значит, тот, кто был в галерее, мог уйти до оцепления?

— Или остаётся там, — сказал Крон. — И мы туда не полезем, пока я не увижу состояние свода.

Мирон отправил одного служителя проверить решётку у реки и запросить пожарную команду с подпорками. Юрист начал возражать против расширения осмотра, но осёкся, когда Крон показал ему свежую медную обивку отверстия.

— Это незаконное изменение аварийного здания, — сказал инженер. — Теперь помещение моё дело тоже.

Opisчик раскрыл чистый лист на подающем столе пинцетом. Чистым он был только сверху. На обороте проступали три бесцветные полосы, продавленные печатной формой.

Вера наклонила фонарь.

— Не буквы.

— Паузы, — сказал Лев.

Три полосы имели разную длину. Между ними шли короткие насечки, похожие на разметку дыхания.

— Объясните для протокола, — потребовал Мирон.

Лев долго смотрел на лист.

— Печатная машина даёт одинаковое давление на большую площадь. Если вместо литер установить мягкую матрицу, можно прижать к воску рисунок комнатной тишины. Не звук. Неровности, которые потом заставят мембрану молчать определённым образом.

— Тишина бывает разной? — спросил описчик.

— В комнате всегда остаются отражения: дыхание стен, дальний гул, собственный шум носителя. Человек не замечает их, но без них монтаж звучит как разрезанная лента. Четвёртый канал записывает пустое место, а машина размножает его.

Вера почувствовала запах раньше, чем поняла его источник. Не резкая свежая краска, оставшаяся на ручке лаборатории. Здесь пахло льняным маслом, металлом и чем-то сладковатым.

— Состав для переноса, — сказала она. — Такой же мог оставить чёрную полосу у Льва.

— Мог, — ответил он. — Но мой состав был на саже. Этот — на чернильном орехе.

— Откуда вы знаете, не прикасаясь?

— Сажа пахнет копотью. Орех — кожей после дождя.

Мирон протянул ему чистую карточку.

— Запишите различие и способ проверки.

Лев не взял карандаш.

— Проверять реактивом. Запах в протокол не ставьте как факт.

— Наконец эксперт, который сам уменьшает вес своих слов.

— В вашей компании это заразительно.

На боковой полке машины нашли семь деревянных прокладок. Пять были тонкими, две — вдвое толще. Их края блестели от недавнего трения.

Лев показал последовательность, не касаясь деталей:

— Пять холостых ходов подводят раму. Два нажима переносят матрицу: первый формирует рельеф, второй закрепляет. Ритм не сопровождает запись. Он создаёт носитель для вставки.

— Тайный четвёртый якорь, — сказала Вера.

— Нет, — возразил он. — Якорь должен связывать след с обстоятельством: местом, предметом или возвратчиком. Машина не связывает. Она печатает обстоятельство, которого не было.

— Поддельный якорь всё равно действует как якорь.

— Для слушателя. Не для следа.

Мирон посмотрел на них обоих.

— Разницу сможет установить независимый эксперт?

Вера ответила первой:

— Да. Настоящий якорь оставляет непрерывную акустическую тень от начала вызова. Напечатанная тишина появляется у швов и повторяет один рисунок.

— Значит, четвёртый якорь не сверхъестественный. Это машина для серийного изготовления ложного контекста.

Такое определение лишало находку красоты и потому было точным.

Крон разрешил осмотреть привод снизу через зеркальце. Ремень уходил к валу, установленному недавно: древесина вокруг креплений была светлой. На медной втулке виднелась синяя нить.

— Такая же тесьма осталась в кабинете Лозина, — сказала Вера.

— Сходный цвет, — поправил Мирон. — Совпадение установит исследование.

Описчик упаковал нить. Рядом с втулкой обнаружился серый комок рыбьего клея. Теперь цепочка становилась материальной: клей на вскрытой печати кабинета, синяя тесьма у похищенного футляра, тесьма в приводе, состав переноса, свежая краска. Но Вера видела и слабое место: всё это мог оставить один человек, намеренно соединив места слишком заметными следами.

— Нас ведут, — сказала она.

— Или торопятся, — ответил Мирон.

— В кабинете оставили тесьму. У реестра — пробные удары. На ручке лаборатории — краску. Теперь клей и нить рядом с механизмом. Для аккуратного монтажёра слишком много подписей.

Лев выпрямился.

— Матрицу украли восемь лет назад. За это время можно научиться собирать тишину и не научиться убирать рабочее место.

— Или кто-то хочет, чтобы мы нашли машину раньше, чем источник голосов.

Мирон записал обе версии.

Из отверстия в полу донёсся металлический щелчок.

Крон мгновенно поднял руку.

— Наружу.

Никто не спорил. Они вышли по меловой дорожке, оставив лист, прокладки и машину под наблюдением описчика у двери. Уже во дворе инженер объяснил: щелчок мог означать остывающую тягу, а мог — смещение крепления под полом. До установки подпорок вход в галерею запрещён.

— Сколько времени? — спросил Мирон.

— До утра, если пожарные дадут людей. Дольше, если вода поднялась.

— За ночь оттуда вынесут всё.

— Выходы опечатаны.

— Известные выходы.

Крон развернул план на капоте пожарной телеги. Заложённая галерея шла под двором к реке, но возле старого водовода раздваивалась. Одна ветвь упиралась в решётку, которую охраняли служители. Вторая исчезала под зданием университетского издательства.

— На позднем плане этой ветви нет, — сказала Вера.

— Её могли засыпать, — ответил Крон.

— А могли закрыть шкафом, — сказал Мирон.

Юрист университета побледнел.

— Издательство работает. Вы не можете опечатать его из-за линии на плане сорокалетней давности.

— Не могу. Поэтому проверю, куда выходит линия.

Они обошли корпус снаружи. Стена издательства была оштукатурена недавно. На уровне подвала виднелись три вентиляционные решётки. Две покрывала равномерная ржавчина. Третью покрасили чёрным поверх старой краски.

Мирон поднёс к ней узкую полоску бумаги. Она прилипла.

— Воздух втягивает внутрь.

— Галерея работает как тяга, — сказал Крон. — Если открыть речную решётку и нагреть типографию, поток пойдёт сюда.

— И унесёт бумажную пыль с запахом краски в действующее здание, — добавила Вера.

Так след на ручке лаборатории мог принадлежать не человеку, прошедшему по коридору, а воздуху из общей системы. Но лаборатория находилась в другом крыле.

— Каналы университета соединены? — спросил Мирон.

Крон посмотрел на неё.

— После наводнения строили аварийную вытяжку. Актов у меня нет.

— Их подписывал Лозин, — сказала Вера.

В издательство их впустили после долгого звонка ректорскому секретарю. Подвальная комната за третьей решёткой оказалась складом бумаги. Вдоль стен стояли запечатанные пачки, посередине — тяжёлый шкаф с литерами. Пол перед ним был исцарапан дугой.

— Его двигают, — сказал Мирон.

Заведующий издательством, седой человек с лиловыми от чернил ногтями, развёл руками.

— Раз в год, когда проверяют сырость.

— Когда двигали последний раз?

— Весной.

На полу лежала свежая древесная щепка. Крон опустился рядом и показал на колесо шкафа: к нему приставили новый рычаг, а на ободке не успела осесть пыль.

— Сегодня или вчера.

Шкаф отодвинули в присутствии понятых. За ним находилась железная дверь без ручки. Замочная скважина была закрыта круглой крышкой, на которой отпечатались пять точек и две короткие черты.

Лев отступил на шаг.

— Это не знак мастерской.

— А чей? — спросил МIRON.

— Метка подачи. Пять холостых, два нажима. Её ставили на детали, которые должны собираться в определённой последовательности.

— Кто ставил?

— Я.

Юрист отвернулся. Заведующий издательством медленно убрал руки за спину, скрывая чернильные ногти.

— У вас есть ключ? — спросил его МIRON.

— Я впервые вижу дверь.

— Шкаф двигали сегодня.

— Не при мне.

— Кто имеет доступ к складу?

— Я, кладовщица и профессор Рубеж. После затопления здесь хранили её кафедральные формы.

Ответ прозвучал слишком легко, будто имя Аглаи должно было завершить поиск. Вера вспомнила рассыпанную цепочку следов. Их снова вели — теперь прямо к заведующей.

МIRON не попросил ломать замок. Он опечатал дверь, шкаф и вход в склад тремя разными печатями. Юристу вручил уведомление о запрете перемещать бумагу без описчика.

— Мы не войдём? — спросила Вера уже на лестнице.

— Постановление касается типографии и её входов. Эта дверь может быть входом, а может вести в угольный шкаф. Получу дополнение до вечера.

— За дверью кто-то может быть.

— Тогда он обнаружит, что закон медленнее погони, но перекрывает больше выходов.

Снаружи дождь прекратился. Над рекой поднимался белый туман, тот же, что утром скрывал служебную лестницу. Вера посмотрела на окна издательства. В одном из них качнулась штора, хотя все рамы были закрыты.

МIRON поручил служителям наблюдать за решётками и крышей. Льва отпустил только после письменного обязательства явиться на повторный осмотр.

— Вы считаете меня свидетелем или подозреваемым? — спросил тот.

— Да, — ответил МIRON.

Лев усмехнулся, но Вере не улыбнулся.

Когда он ушёл, она сказала:

— Метка слишком удобная.

— Его метка на двери с механизмом его конструкции.

— И он сам её опознал. Если бы скрывал участие, мог назвать царапиной.

— Помощь не отменяет возможности вины.

— Возможность вины не отменяет того, что нас направляют.

— Поэтому мы проверим не имя, а доступ. Кто двигал шкаф, кто заказывал войлок, кто провёл тягу, кто получал рыбий клей. И кто знал, что сегодня мы придём.

Вера посмотрела на сухую полосу у кладки. Тёплый воздух исчез окончательно, зато на белёсом камне проступили чёрные крапины. Не брызги, не след обуви — мелкая пыль, выброшенная из щели.

Она поднесла к ней лист, не касаясь стены. Крапины легли на бумагу ритмическими полосами: пять бледных, две тёмных.

Машина работала не только с воском. Каждый цикл выталкивал наружу чернильный шум — материальный остаток напечатанной тишины.

Мирон упаковал лист.

— Теперь у нас есть способ отличить эту машину от шести действующих.

— Состав на чернильном орехе и ритм выброса.

— И место, связанное с Лозиным, Львом и доступом Аглаи. Слишком много подозреваемых для хорошего обвинения.

— Зато достаточно для хорошего осмотра.

На башне пробило шесть. В это же мгновение за третьей решёткой издательства погас свет.

Служитель у входа поднял свисток.

Изнутри никто не вышел.

Но бумажная полоска на решётке сначала прилипла плотнее, а потом резко отлетела наружу. Поток воздуха изменил направление.

Кто-то за опечатанной дверью открыл путь к реке.

Глава 7. Обещание сестре

Рада появилась у издательства через девять минут после того, как за решёткой изменилось направление тяги. На ней был плащ без застёгнутых пуговиц, под мышкой — редакционная папка, а в руке — сложенный вчетверо вечерний выпуск, ещё пахнущий сырой бумагой.

— Где Вера?

Служитель у ворот показал на двор. Рада прошла мимо него так, словно вопрос уже был пропуском.

Вера стояла у пожарной телеги и держала фонарь над старым планом. Инженер Крон отмечал мелом возможные пустоты под складом. Мирон, отойдя на несколько шагов, диктовал описчику время смены воздушного потока. Белая полоска бумаги на решётке теперь колыхалась наружу, выдыхая запах влажного камня и чернильного ореха.

— Ты цела? — спросила Рада.

— Да.

— Тогда у меня второй вопрос. Почему я узнаю от наборщика, что в университете нашли машину, которая печатает чужую тишину?

— Потому что оцепление поставили раньше, чем я успела тебе сообщить.

— Не эту часть.

Рада бросила газету на капот телеги. На первой полосе стоял заголовок, которого она не писала: «АРХИВ КРАДЁТ ПАМЯТЬ У ЖИВЫХ». Ниже мелким шрифтом сохранилась её осторожная формулировка о проверяемой связи между вызовом и провалом памяти у студентки.

— Наборщик видел служебную записку кафедры, — сказала Рада. — Там твоё имя, старый опыт с личным следом и рекомендация отстранить тебя от работы с семейными носителями. Что это за личный след?

Мирон перестал диктовать. Крон поднял глаза от плана, понял достаточно и повёл пожарных к соседней стене. Описчик закрыл журнал, но остался у печати.

Вера почувствовала знакомое желание ответить самым узким правдивым предложением. Так она говорила на комиссиях: отсекала всё, чего не спрашивали, и называла это точностью.

— В кабинете Лозина был цилиндр с моим голосом.

— Был?

— Его украли вместе с футляром.

— Ты слышала запись?

— Часть.

— И что ты сказала?

За спиной Рады тёмные окна издательства отражали фонари. В одном отражении Вера увидела их обеих: две одинаково прямые фигуры, только Рада стояла, расставив ноги, будто удерживала палубу, а Вера прижимала ладонь к краю плана.

— Я просила тебя остановить меня, если я начну выбирать за нас обеих. Там были слова о согласии. Точный текст я не помню.

Рада не сразу поняла.

— Не помнишь, потому что прошло время?

— Нет.

— Вера.

— Вероятно, запись уже вызывали с моим участием. Или она была получена способом, который воспроизводит ту же цену. Пока это версия.

— Ты потеряла кусок нашего разговора и решила, что это служебная версия?

— Я решила сначала установить, настоящий ли цилиндр.

— А мне ты решила не говорить.

Рада произнесла это без повышения голоса. Оттого фраза прозвучала хуже газетного заголовка.

Мирон подошёл, держа закрытый протокол.

— Разговор касается похищенной улики. Я должен присутствовать, если будут названы новые обстоятельства.

— Прекрасно, — сказала Рада. — Тогда у нас будет свидетель того, как хранительница архива объясняет семье, почему семейная память принадлежит следствию раньше, чем семье.

— Не принадлежит, — ответил Мирон. — Но факт существования цилиндра относится к делу.

— А факт, что моя сестра может забыть меня?

Вера услышала в вопросе не преувеличение, а требование назвать границу ущерба.

— Вызов стирает память о собственных сказанных словах. Не лица, не события целиком.

— Ты уверена?

— В пределах подтверждённых наблюдений.

— Сона помнила, что обещала соседке прийти к ужину?

— Нет.

— Но помнила соседку?

— Да.

— Значит, однажды ты сможешь помнить меня и не помнить ни одного решения, которое мы приняли вместе.

Вера хотела возразить, что один цилиндр не равен множеству вызовов. Но Рада уже нашла точную опасность: не исчезновение человека, а исчезновение договорённости с ним. Можно сохранить все летние поездки, старые ссоры, цвет материнского шарфа — и снова решить за сестру, потому что не помнишь собственного согласия этого не делать.

— Да, — сказала Вера. — Если допустить повторные личные вызовы.

— Ты их допускала?

— Нет.

— Ты хотела вызвать запись ещё раз?

Вера посмотрела на Мирона. Тот не помог и не отвёл глаз.

— Хотела. До кражи.

Рада коротко кивнула, как перед неприятной, но ожидаемой правкой.

— Вот теперь мы дошли до правды.

Из подвальной решётки вылетела щепоть чёрной пыли. Служитель подставил стекло, пометил время и передал описчику. Вокруг продолжалось расследование; только для Веры пространство сузилось до мокрого капота и сложенной газеты.

— Мне нужно было понять происхождение записи, — сказала она.

— Тебе нужно было вернуть фразу.

— И это тоже.

— Какую?

— Я не знаю.

— Именно. Ты собиралась заплатить новой памятью за старые слова, смысла которых даже не знаешь.

— Смысл я помню.

— Тогда зачем тебе точный текст?

Вера открыла рот и промолчала. Она могла перечислить профессиональные причины: установить рамочную фразу, сравнить направление тени, определить предмет-свидетель. Все они были настоящими. Ни одна не объясняла, почему в первые секунды у подоконного шкафа она спрятала футляр, а не позвала описчика.

— Потому что точный текст нельзя оспорить, — сказала она наконец.

— Кем?

— Мной.

Рада отвернулась к решётке. Ветер прижал её плащ к спине.

— Когда мама заболела, — сказала она, — ты составила расписание за нас обеих. Я согласилась на два дежурства, а потом оказалось, что согласилась на пять. Ты сказала, что иначе всё развалится.

— Всё действительно разваливалось.

— Да. Поэтому я уступила. Не потому, что ты имела право.

— Я помню.

— А я не уверена, что ты помнишь разницу.

Вера помнила больничный коридор, зелёную скамью, запах кипячёной простыни. Помнила, как Рада уснула в пальто и уронила на пол стакан. Помнила своё раздражение: сестра опоздала, врач ждал подпись, времени не было. Но слов, которыми они распределили дни, не осталось. Не потому ли запись зацепила её так сильно? Цилиндр обещал вернуть не мать и не прошлое — момент, когда Вера, возможно, уже признала границу собственной заботы.

— Я помню, что была неправа, — сказала она.

— Это не договор.

— Нет.

Мирон положил протокол на капот рядом с газетой.

— Мне нужно задать один вопрос. Рада Ланская, вы знали о разговоре, который мог стать источником записи?

— Я знала много разговоров, в которых просила Веру не командовать моей жизнью.

— Был среди них разговор о вызовах отголосков?

Рада задумалась.

— После похорон матери Вера принесла домой архивную коробку. Пустую, кажется. Сказала, что семейные предметы лучше зарегистрировать, пока мы помним происхождение. Я решила, что она хочет забрать мамины вещи в университет. Мы поссорились.

— Где?

— В квартире. На кухне.

— Какие предметы находились рядом?

— Чайник, часы, синяя чашка с трещиной. Коробка. Мамина швейная корзина стояла на подоконнике.

— Кто ещё мог слышать?

— Никто.

— Окна были открыты?

Рада посмотрела на Веру.

— Было холодно. Ты закрыла форточку, потому что свист мешал тебе формулировать.

Этого Вера не помнила. Зато сразу представила короткий свист в неплотной раме и собственную ладонь на щеколде. Память ли это вернулась или воображение послушно построило сцену из слов сестры, определить было невозможно.

— Не подсказывай дальше, — сказала она.

— Боишься вспомнить?

— Боюсь принять твою версию за свою память.

Мирон одобрительно кивнул и записал только перечень возможных предметов.

— Коробка сохранилась? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Рада. — После похорон Вера сортировала вещи.

— Мы сортировали вместе, — сказала Вера.

— Нет. Вместе мы начали. Потом редакция вызвала меня на пожар у пристани, и ты закончила одна.

Снова возникло пустое место — небольшое, аккуратное. Вера помнила стопки: оставить, отдать, зарегистрировать. Не помнила, как они возникли.

— В квартире остались часы и чашка, — продолжила Рада. — Корзину я забрала. Где коробка, не знаю.

Мирон закрыл карандаш колпачком.

— Никаких домашних поисков сегодня. Если предмет мог быть якорем похищенного цилиндра, квартира становится возможным местом следственного осмотра.

— Вы хотите опечатать наш дом? — спросила Рада.

— Хочу не дать тому, кто следит за нашими действиями, найти предмет раньше нас. Он уже узнал о приходе в типографию и успел изменить тягу.

— Или сидит за этой дверью.

— Поэтому мы сторожим дверь.

Рада снова повернулась к Вере.

— А ты? Если найдёшь чашку или часы раньше него, вызовешь запись?

— Без проверки — нет.

— Я не спросила про проверку.

— У нас есть процедура.

— Процедура позволила тебе слушать мой разговор без меня?

— Я не знала, что услышу.

— Во второй раз будешь знать.

Вера почувствовала, как раздражение возвращает ей привычную твёрдость.

— Если запись содержит сведения о подделке, отказ от вызова может оставить преступника с рабочим аппаратом.

— Если она содержит наши слова, согласие на риск нужно не только твоё.

— Улика не становится семейной собственностью из-за содержания.

— А твоя память не становится расходным материалом из-за номера в описи.

Они замолчали. Мирон отошёл к описчику и заговорил с ним вполголоса, оставив протокол на виду. Это было не уединение, а ровно столько пространства, сколько допускало дело.

Рада разгладила газету ладонью.

— Я пришла не запрещать тебе работать.

— Похоже именно на это.

— Я пришла узнать, осталось ли у меня право сказать «нет», прежде чем ты забудешь, что обещала его услышать.

Фраза попала точнее обвинения. Вера посмотрела на сестрины пальцы: на среднем осталась красная полоска типографской краски. Рада наверняка держала свежий оттиск, когда услышала о записке, бросила верстку и побежала сюда. Она тоже вошла в опасное место ради ответа, не предупредив.

— Ты прошла через оцепление одна, — сказала Вера.

— Через ворота.

— Не сообщила, куда идёшь. Если человек за дверью знает о твоей статье, ты для него не наблюдатель.

— Не меняй тему.

— Это та же тема. Ты требуешь участия в решениях, которые касаются нас обеих, и сама принимаешь такое решение одна.

Рада уже приготовила ответ, но остановилась.

— Справедливо.

Для неё это слово не означало капитуляции. Оно означало, что обвинение принято в работу.

— Тогда правило должно быть взаимным, — сказала Вера. — Ни одного личного вызова без согласия обеих.

— «Личного» — это какого?

— Где звучит голос одной из нас, предмет происходит из нашей семьи или цена может затронуть память о наших общих решениях.

— И согласие до того, как собрана установка. Не когда ты уже стоишь перед ней и говоришь, что поздно отступать.

— Да.

— Письменно.

— Да.

— С правом любой из нас остановить вызов в любой момент.

Вера помедлила. Для эксперимента остановка могла уничтожить след, повредить носитель, лишить их единственной возможности установить источник.

Рада заметила паузу.

— Вот это и было в обещании, да?

— Не знаю.

— Но похоже.

— Похоже — не значит было.

— Хорошо. Не будем делать из догадки память.

Рада произнесла это неохотно, но Вера услышала в уступке главное: сестра тоже отказалась от удобной точности.

— С правом остановить, — согласилась Вера. — Если следствие считает носитель вещественным доказательством, остановка оформляется как действие с уликой, но право остаётся.

— И ещё одно. Никаких личных вызовов через замену названия. Не «калибровка», не «проверка акустической тени», не «снятие регистрационных признаков», если для этого нужен возвратчик.

— Согласна.

— А я не публикую сведения о нашей семейной записи и не ищу предметы одна. Если нахожу источник — сообщаю тебе и Берестову.

— Не только мне. Сначала Берестову.

Рада поморщилась.

— Это было больно.

— Зато точно.

Они обе посмотрели на Мирона. Он делал вид, что занят пломбой на пакете с чернильной пылью.

— Нам нужен независимый свидетель соглашения, — сказала Рада.

— Нет, — ответил МIRON, не оборачиваясь. — Вам нужен текст, который обе понимают одинаково. Свидетель не исправит плохую формулировку.

Рада вырвала из папки чистый лист. Писала она быстро, крупными буквами, оставляя широкие поля для редакторских помет. Вера добавила определение личного вызова и отдельную строку: согласие на один опыт не распространяется на следующий. Рада вписала: молчание не считается согласием. Потом они обе поставили подписи и время.

Лист получился не торжественным. На обороте просвечивала сетка редакционного заказа, верхний угол намок от капота. Но Вера почувствовала облегчение сильнее, чем если бы цилиндр вернул ей утраченную фразу. Это соглашение существовало сейчас, было прочитано обеими и не притворялось голосом прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.